

Сью
НИКИ

Люблю тебя
ненавидеть

18+

МОЛОДЕЖНАЯ ПРОЗА

Ники Сью

Люблю тебя ненавидеть

«Автор»

2026

Сью Н.

Люблю тебя ненавидеть / Н. Сью — «Автор», 2026

Настя живёт в страхе. Черные коробки по пятницам, пошлые сообщения и ощущение, что за ней постоянно следят. Но настоящий кошмар начинается, когда появляется он — Тимофей. Парень лучшей подруги. Мужчина, от которого невозможно отвести взгляд и невозможно сбежать. Он убирает всех. Он забирает ее целиком. И теперь Настя уже не уверена: он хочет сделать её своей или сломать навсегда? Тропы книги: Сталкеринг Одержимость Темная романтика с серой моралью Он убьет за нее любого Горячие сцены 18+

© Сью Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7 – Из воспоминаний сталкера	23
Глава 8	25
Глава 9	28
Глава 10	32
Глава 11	36
Глава 12	41
Глава 13	43
Глава 14	46
Глава 15	49
Глава 16 – Сталкер	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ники Сью

Люблю тебя ненавидеть

Приветствую вас, дорогие читатели!

Этот роман — мой эксперимент в данном жанре. Я очень давно хотела написать что-то в стиле дарка, поэтому решила попробовать. Прошу строго не судить: все, что вы найдете внутри, остается в рамках темной романтики. В этой книге вас ждут сразу две части (как и в бумажном издании).

Но прежде чем начать чтение, пожалуйста, внимательно ознакомьтесь с дисклеймером.

Дисклеймер

Данное произведение является художественным вымыслом. Все персонажи, события и ситуации вымышлены. Любые совпадения с реальностью случайны.

Книга содержит сцены, которые могут вызвать сильный эмоциональный и психологический дискомфорт. В тексте присутствуют:

- физическое и психологическое насилие;
- сталкерство, преследование и манипуляции;
- неконсенсуальные / сомнительные сексуальные сцены;
- графические описания насилия, крови и смерти;
- токсичные, собственнические и разрушительные отношения;
- темы семейного насилия, алкоголизма и детских травм;
- месть, убийства и криминальный мир.

Произведение предназначено **исключительно для взрослых читателей 18+**. Автор не романтизирует и не оправдывает насилие, абюз, преследование или принуждение в реальной жизни. Всё описанное существует только в художественном мире.

Если у вас есть триггеры, связанные с перечисленными темами, — читайте осознанно или воздержитесь от чтения.

Ваша Ники Сью

Пролог

В зал медленно стекались гости, разодетые в роскошные наряды, от которых рябило в глазах. Сказать по правде, я презирал это чертово высшее общество с их фальшивыми улыбками и пустыми разговорами. Но приходилось здесь бывать. Работа обязывала. Моя жизнь – тень, где каждый шаг выверен, каждый взгляд – оружие.

Порой я задавался вопросом, зачем пошел к дяде в тот день, зачем попросил его научить меня убивать. Он не хотел. Все твердил мне, что отец был бы против. Но отца давно нет в живых, и прислушиваться к его мнению я не планировал. В моей груди жила дыра размером с Марианскую впадину, и ее надо было чем-то заделать. Жаль, что для таких вещей не подходит банальный лейкопластырь. Было бы неплохо заклеить им и дыру, и душу. Хотя... В последний год я все чаще задумывался – есть ли у меня вообще душа? Способен ли я хоть что-то чувствовать? И пару дней назад выяснилось, что порох в моей пороховнице никуда не делся.

Собственно, поэтому я и пришел на самый пышный на моей памяти прием, посвященный семейству Амировых. Я знал, что *она* будет здесь. Девушка, которую мне априори нельзя было любить, а я, как чертов кретин, именно этому греху и поддался.

Прости, отец... Твой сын предатель. Дерьмо, которое ты вправе ненавидеть.

Я взял бокал шампанского у официанта, поднес его к губам, но так и не сделал глотка. Замер, увидев их. В груди что-то заштормило, кажется, то душа подавала признаки жизни. Умершая и перепотрошённая.

Но я постарался отвлечься от собственных чувств и сконцентрироваться на увиденной картинке. Даниэль, наследник одной влиятельной и очень богатой семьи, вел под руку *ее*. Ту, что я не должен был любить. Ту, что я, как одержимый, искал месяцами, пока резко не остановился, решив, что это знак. А знаки, как говорится, нужно уважать и соблюдать. Вот и я поддался этому желанию, завязал глаза черной лентой и как-то пробовал существовать дальше.

И... Судьба будто решила посмеяться. Не хочет она, родимая, отпускать меня. Решила подкинуть в мою и без того шаткую жизнь адреналина. Выкрутить по новой, зажать пальцами шею, выбить весь кислород из легких. Дать возможность встретить эту девушку, когда у нас с ней нет, не единого шанса на “хеппи-энд”.

Она улыбнулась Даниэлю, и моя челюсть невольно сжалась до боли. Ревность ядом расползлась по венам, медленно и верно убивая каждую гребаную клетку в теле. Он отпустил ее руку, оставив в центре зала, и пошел здороваться с влиятельными типами, чьи лица я знал лучше, чем хотелось бы. А *она*... *она* стояла, растерянная, будто не понимала, куда себя деть. Ее хрупкая фигурка в этом прямом платье с неприличным разрезом до бедра и открытой спиной, привлекала внимание всех змей, что собрались в этом логове.

Черт... Как она вообще могла стать его женщиной? Как? Не понимаю.

Она вдруг начала оглядываться, словно ощущала мой взгляд на себе, но, не найдя никого, — а меня *она* явно не заметила, — поспешила выйти из зала. Я двинулся следом за ней тенью, скользя по пустому коридору. Шаг за шагом. *Она* остановилась, не оборачиваясь. Почувствовала? Наверняка.

Дернув ручку двери подсобного помещения, маленькая принцесса скрылась в темноте. Я вошел следом, не в силах ничего с собой поделать, хотя не должен был. Мне стоило держать себя в узде, но было поздно. *Она* не обернулась. Так и стояла спиной ко мне, позволяя разглядывать в тусклом свете ее плечи, спину, задумываться о том, какого цвета белье под этой тряпкой.

Повисла пауза. Долгая, тяжелая, почти невыносимая.

– Госпожа Амирова, – произнес я с усмешкой, нарочно назвав так, хотя внутри вспыхнул не хуже вулкана от ревности. – Эта фамилия тебе не пойдет.

– Я... – Она шумно выдохнула и наконец, повернулась. Ее глаза, почти ангельские в тусклом освещении, поймали мои. Она моргнула, отступила и уперлась спиной в стену.

– Почему ты сбежала? – я шагнул ближе, и расстояние между нами исчезло. Провел пальцем по ее обнаженному плечу, чувствуя, как сгораю от этих прикосновений. Эта девушка принадлежала мне. Только мне. Не ему. И должна остаться моей.

Неожиданно она откинула мою руку, взгляд ее стал решительным, почти дерзким.

– Не трогай меня, Тим. Никогда. Больше никогда, слышишь?

Я усмехнулся, наклоняясь ближе. Аромат ее парфюма ударил в нос и вызвал щемящее чувство тоски. По тем дням, когда мы жили в моей квартире и спали в одной кровати.

Она, кажется, тоже подумала о прошлом: ее дыхание сбилось от нашей близости, как бывало всегда, когда я оказывался рядом.

– Если продолжишь так на меня смотреть, я трахну тебя прямо здесь, крошка, – прошептал я, намеренно провоцируя. Эта девушка пробуждала во мне зверя, ненасытного и вечно голодного.

Она толкнула меня в грудь, видимо, хотела показать, что я ей безразличен, но это только разожгло огонь. Вцепившись своими тонкими пальчиками в мои плечи, она дернулась, а я резко подхватил ее под бедра и прижал к стене. Черное платье задралось, обнажая нежную кожу, и я услышал, как моя принцесса тихо выругалась.

– Ублюдок! – прошипела она, почти касаясь моих губ, и начала брыкаться. Но я уже не мог остановиться.

Пальцы скользнули под ее юбку, нашли тонкую ткань трусиков.

– Скажи, что скучала по мне, – потребовал я, представляя, как срываю с нее это платье, как она стонет подо мной, умоляя не останавливаться.

– Отпусти меня. – Она дернулась, но я лишь сильнее сжал ее бедра. Жар внизу живота усилился, отключая мозги.

– Нет. – Я вдохнул ее аромат – спелые яблоки. Черт возьми, как я мог забыть? – Ты моя. И этот твой Даниэль... он не получит тебя. Никогда.

– Я почти замужем, Тим! – ее голос дрожал, но в нем звенела сталь. – У меня есть...

– Не будешь ты его женой, – рявкнул я, обрывая ее. – Ты сама знаешь, что между вами ничего нет. Ты не его и никогда не была его.

Я коснулся ее там, она была влажной. Пах забурлил жидким свинцом, желая получить разрядку, но я медлил. Сам не знаю почему. Моя принцесса простонала, тихонько так, сладко, как только она умеет.

– Вот видишь, – прошептал я и резко отпустил ее, растерянную, смущенную, кусающую губы. – Ты моя.

Она молчала, но взгляд говорил больше, чем слова. Она ненавидела меня и в то же время желала. В тот момент я отчетливо понял – гори оно все синим пламенем. Я заберу ее у Даниэля. Любой ценой. Даже если придется разрушить все, что у меня есть. Даже если придется умереть.

Глава 1

– Ну и ну, – вздохнула Маринка, когда лампа снова моргнула. Из-за сильного дождя с электричеством снова были перебои.

Я отложила фен, кое-как просушив волосы. Пока бежала к Маринке в гости, промокла вся до нитки. В другой раз я бы и не пошла, но дома находиться было настолько неумоготу, что лучше уж дождь, ветер, ураган, да что угодно, только не оставаться там.

В дверь позвонили, и Белкина так заговорщически подпрыгнула на месте, что я сразу поняла – дело нечисто. Вышла в коридор, кутаясь в олимпийку лучшей подруги, и замерла на месте, когда порог переступил он. Привалился плечом к дверному косяку, пока Маринка на нем висла, на радостях впиваясь губами в его щеку и блаженно закрывая глаза. А он... Он почему-то в этот момент, не стесняясь, рассматривал меня, словно какую-то диковинку.

– Привет, – только и смогла выдавить из себя я, слишком внимательно изучая незнакомца.

Высокий, плечистый, с острыми скулами и довольно чувственными губами. В его облике читалась какая-то невероятная уверенность — не напускная, а естественная, будто он с рождения знал, что мир лежит у его ног. Тёмные брови подчёркивали его взгляд — цепкий, изучающий, серьёзный. И улыбка такая, красивая, но при этом не предвещающая ничего хорошего. На руке у него были часы, а из-под расстегнутой кожанки виднелась рубашка с эмблемой «Лакост». Все в этом человеке так и кричало, что он не из бедной семьи.

Парень провел рукой по коротким волосам цвета коньяка и произнес, не сводя с меня заинтересованного взгляда:

– Ну привет.

Спину осыпал табун мурашек. А почему – я и сама не поняла.

– Ой! – пискнула Маринка. – Знакомьтесь. Это Тимофей, можно Тима, да?

Он кивнул, подмигнув мне. Я тут же стушевалась, ощутив стыдливое смущение. Про Тиму Маринка рассказывала мало, только то, что они познакомились в парке, когда она каталась на роликах. Она толком ничего не знала о нем – ни про семью, ни где он учится, да и не волновало ее это. Главное – машина спортивная и безлимитная кредитка. Вот и все, что нужно Ольшанской.

– Настя... То есть меня Настей зовут.

– Понятно. – Он не переставал смотреть на меня, и это, с одной стороны, напрягало, а с другой, от его красноречивого взгляда у меня аж живот стягивало. Со мной такое происходило первый раз.

– Идем. Чего в проходе стоим? – очнулась Маринка.

Она завела нас на кухню, вытащила пирог из духовки, и маленькое помещение тут же наполнилось ароматом выпечки. Затем достала наливку из ящика, которую передала ей бабка из деревни. И только после мы расселись за столом. Свет от старой люстры падал неровно, поэтому создавалось ощущение, словно Маринка в самом центре освещения, а я — чуть в тени, почти у стены. Подруга весело болтала с Тимом, смеялась, наклонялась к нему через стол, а он отвечал ей короткими фразами, но взгляд его время от времени возвращался ко мне. И я вдруг почувствовала себя третьей лишней. Вот зачем она его позвала? Стоп. А может, они договорились встретиться, и это я подруге как снег на голову свалилась? Блин, нехорошо.

За окном шумел ветер, гнал по асфальту сухие ветви, а здесь, на кухне, всё казалось временно уютным и чужим. Наверное, поэтому я теребила край салфетки, стараясь не смотреть на Тима, хотя кожей ощущала его внимание — оно будто висело в воздухе, смешиваясь с запахом ванили и терпким ароматом наливки. Маринка уже открыла ее и собралась разливать.

- Марин, я это... – покачала головой, когда подруга протянула мне бокал. – Не буду.
- Да за знакомство, чего ты? – обидчиво надула она губы.
- Я тоже откажусь, мне еще за руль, – поддержал Тимофей.
- Скучные вы, ребят... – приуныла Маринка, но наливку пригубила.

Я хотела возразить ей, что не в бутылке счастье, но мой телефон неожиданно пиликнул. Вытащив его, я увидела очередное оповещение о доставке. Тело вмиг будто одеревенело, мне сделалось не по себе. Я закусила губу, стараясь держаться спокойно и не думать ни о чем плохом, но лицо, как обычно, выдало меня с поличным.

- Опять он? – нахмурилась Белкина.

Я не хотела говорить при ее идеальном до чертиков парне о наболевшем. Он явно жил в каком-то другом мире: где обедают за большим столом среди семьи, где по утрам желают друг другу «доброе утро», и где никто не мыслит относительно тебя ничего плохого. Так мне казалось, когда я смотрела на Тимофея. Моя реальность сильно отличалась по всем категориям, она была той, какую обычно скрывают за семью замками. Да и в целом, кому чужие проблемы интересны? Но Маринка вдруг позабыла обо всех рамках приличия и давай вещать:

– Насте какой-то ухажер через курьерскую службу дарит непонятные коробочки. Уже, между прочим, третья за месяц. Этот Ромео посылает ей их каждую пятницу в одно и то же время. Но Авдеева боится вскрывать, – запросто рассказывала Маринка.

Я разозлилась на нее, обиделась молчаливо. Зачем она так? Совершенно постороннему человеку? Я ведь с ней как с близким делилась, а не просила сделать то, что меня терзало достоянием общественности. Хотелось, конечно, отругать подругу, задрать носик и уйти.

Вся эта история отзывалась во мне страхом. Даже слушать про проклятые коробки было жутко, а заглядывать внутрь и подавно. А она болтала о них, как о ерунде какой-то. Для нее-то может и ерунда, а мне каждый раз не по себе становилось. Мурашки по коже пробегали. Противные такие, от которых волоски вставали дыбом.

Внешне коробочки были в упаковках: матовые, черные, с кроваво-алым бантиком сверху. Я как увидела первый раз, мне сразу поплохело. Отложила в дальний ящик и забыла. Но через неделю мне пришла еще одна коробочка. Такая же черная с красным бантом. Ее я тоже отправила в ящик, так и не вскрыв. Сегодня приехала третья... Господи, сколько их еще должно прийти? Когда это прекратится? Сердце болезненно сжалось от чувства безысходности.

– Так, может, тебе просто вскрыть их? – предложил Тим, проводя пальцем по ободку чашки с кофе, которую перед ним поставила Маринка.

– А если там... ну... – замялась я, отчего-то мне всем нутром не хотелось вскрывать подарки.

– Не конечности же человеческие там, в конце концов, – бросил Тим и хищно рассмеялся, сверкнув белозубой улыбкой. Уверена, он не поверил мне или посчитал дурочкой, которая что-то приукрашивает. Нет, может, оно со стороны и звучало забавно, в реальности же я жутко перепугалась, когда увидела очередной подарок в прошлую пятницу.

– Слушай, а правда, – поддержала Маринка. Хотя до этого была на моей стороне. – Открыть надо, и дело с концом.

- Нет, – покачала я головой. – Мне сердце подсказывает, что... ну...

– Боишься? – глаза Тима сузились, он подался вперед, задумчиво поглаживая длинными пальцами подбородок. И я поймала себя на мысли, что тушуюсь от его взгляда, прямого и пронзительного. Вроде и ничего в нем особенного не было, но при этом таким жадным он мне показался, что к щекам вновь прилип румянец.

Мамочки! Ну что такое? Маринка – моя самая лучшая подруга. Как я вообще могу в таком ключе думать про парня напротив? Что за глупости? И чтобы как-то оттолкнуть от себя эти мысли, я схватила кружку с чаем, сделала большой глоток. Как назло напиток оказался горячим и я ко всему прочему обожгла язык. Замечательно!

– Тим, ну она же девочка, – ответила за меня Белкина. – А вдруг там реально маньячелло какой? Кто знает, что у отправителя в голове. Слушай, – щелкнула пальцами Маринка. – А может, тебе с ней поехать? Посмотрите вместе эту коробку. Как думаешь?

– Мне?

– Ему?

В один голос спросили мы, затем снова переглянулись, и мне сделалось душно.

– Конечно! Тим же парень, если что, помочь сможет. А я... Я пока ужин приготовлю. Как тебе идея? Заодно и Настю подбросишь домой. Ливень такой, как ей идти?

Честно сказать, идея подруги мне понравилась. Все-таки одной вскрывать «подарки» было жутко, а с кем-то, наверное, и не так страшно. Плюс, я догадалась, что Белкина хочет от меня избавиться. У них тут, видимо, интим намечался, а я своим визитом все испортила.

– Ладно, – кивнула я, шумно вздохнув. – Если это не сложно...

– Хорошо, – согласился и Тим, поднимаясь с табурета. – Мне несложно, даже интересно. Идем, Настя...

Я быстренько оделась и выскочила в подъезд. Когда Маринка, помахав нам, закрыла дверь квартиры, я поймала себя на странной мысли. Дикой. Она охватила горло тугими лианами, не давая вдохнуть.

Будто я совершаю ошибку.

Но я отмахнулась от этого ощущения, списав все на непонятное волнение перед вскрытием коробки. Глубоко вдохнула. Это просто нервы, не более.

Дверь подъезда распахнулась, впустив порыв холодного ветра — он будто пытался остановить меня, коснувшись затылка ледяными пальцами. Но я и тут отмахнулась, а потом увидела машину Тимофея и обомлела. Черный тонированный спорткар. Я не очень разбиралась в марках, но эта на вид казалась дорогой. Дерзкая. Опасная. Как и ее хозяин.

А когда мы уселись в салон, Тим повернулся ко мне и неожиданно произнес:

– Посмотрим, кто охотится за ангелом.

Глава 2

– Что? – глухо прошептала я, решив, что ослышалась. Может, воображение разыгралось? Уж больно фраза прозвучала... Не знаю, угрожающе, что ли. У меня даже в сердце кольнуло от волнения.

– Говорю, адрес диктуй, – спокойно произнес Тим, и я выдохнула. Точно показалось.

Продиктовав адрес, я повернулась к окну. На улице не было ни души. Ни одного прохожего или машины. Казалось, весь город замер в ожидании чего-то жуткого. Еще и погода такая, под стать фильму ужасов.

По спине побежали мурашки, когда я увидела в стекле отражение своего взволнованного лица, искаженное каплями дождя.

– Ты кому-то говорила про подарки? – вдруг спросил Тим.

– Нет, только Маринке.

– Понятно. – Помедлив, он добавил: – Это правильно. Родные будут волноваться, ни к чему это им.

– Ну да, – с неохотой согласилась я, не желая вдаваться в подробности о своей родне. Подноготная у меня была та еще... Мать бросила, подкинув бабке, которая приняла без особого энтузиазма. А отец... О нем лучше не вспоминать. Так я и жила девятнадцать лет в ветхой трешке на птичьих правах, мечтая однажды сбежать.

– И парня у тебя нет? – продолжал закидывать вопросами Тим.

– Нет. Я... мне сейчас не до отношений, учеба на первом месте, – постаралась съехать с темы.

– Какая правильная девочка, – прозвучало саркастично, но я не обиделась. Возможно, со стороны я именно такой и казалась: правильной, скучной и пресной.

Остаток дороги мы провели в молчании, только дождь, что тарабанил по стеклам машины, разбавлял гнетущую тишину.

Через двадцать минут, черный спорткар остановился прямо напротив моего подъезда, чтобы нам не пришлось долго бежать и промокнуть. Тим вышел первым и неожиданно раскрыл надо мной зонт. Я заметила в его глазах озорной блеск. Будто он предвкушал что-то. Хотя, возможно, это в очередной раз со мной играло воображение, и никакого блеска в глазах Тима не было. В конце концов, на улице слишком темно, чтобы я могла точно разглядеть.

Мы шагнули под дождь. Капли тут же застучали по куполу зонта, а я невольно поежилась. Тим шёл рядом, быстро и уверенно сокращая расстояние, в то время как я осторожничала, и семенила. Я старалась не отставать, но всё равно чувствовала себя неловко, будто нарушала какой-то негласный порядок.

Подъезд встретил нас резким контрастом: пропал свежий приятный воздух, и на его место пришла затухшая вонь. На первом этаже жило семейство алкашей, они не дебоширили, никого к себе особо не звали, но пили знатно, поэтому от них фонило на весь этаж.

Я поморщилась, а Тим брезгливо скривился. Мне показалось, ему даже находиться здесь было противно, не говоря уже о том, чтобы подниматься в нашу квартиру. Мне стало до такой степени стыдно, неловко, что я оступилась и едва не уткнулась носом в ступеньки. Мужская рука чудом подхватила меня, удерживая.

– Осторожнее, – холодным тоном процедил Тимофей.

– Спасибо, – ответила я и быстро взбежала на второй этаж.

А там меня уже встретил тот самый «подарок», будто ждал весь вечер, нетерпеливо и настойчиво. Я сглотнула, стараясь унять дрожь в пальцах. Наверное, это страх сродни животному, когда инстинкты кричат «беги», ведь впереди опасность, но я упорно их не слушала.

– Открывай, – запросто предложил Тим, подойдя ближе. В его глазах так и читалось «чего медлишь».

Я промолчала, только посмотрела на него озадаченно. Вообще-то я думала, что он, как настоящий мужчина, сделает это сам, но, судя по всему, Тим приехал в качестве подстраховки, а не чтобы решать мои проблемы. Наивно было предполагать обратное.

– Давай же, не очкуй, принцесса, – с нескрываемой усмешкой бросил Тимофей и подтолкнул меня вперед. И я на ватных ногах, дрожа от страха, подняла с пола коробку. А когда потянула за алую ленту, словно сам дьявол решил подкинуть атмосферности, в подъезде резко погас свет.

– Мапочки! – пискнула я, отшатнувшись, и тут же уперлась в мужскую грудь спиной, по ощущениям довольно рельефную. В нос ударил терпкий аромат цитруса с лёгкой горчинкой — парфюм Тима, смешанный с запахом дождя, который он принёс с улицы. Приятный, очень приятный. Слишком для такой ситуации.

На мгновение всё замерло. Я слышала только свой громкий пульс, отдающийся в ушах глухими ударами. Темнота обволокла со всех сторон, плотная, осязаемая, казалось, её можно потрогать, сжать в кулаке. А в следующую секунду мое лицо осветил фонарик – Тим достал телефон, чтобы я как следует, разглядела содержимое коробки.

– Спасибо, – промямлила я. А про себя подумала: какой предусмотрительный, прямо все готов сделать, чтобы я заглянула внутрь. Вот же...

Атласная лента упала на пол, я затаила дыхание и подняла крышку. В одном углу коробки сидел плюшевый медведь, а в другом... Короб выпал из моих рук. Я резко развернулась и прижалась к Тимофею, охваченная ужасом.

Второй частью «подарка» был паук... Черный. Небольшой. Он сидел прямо на медведе. А я с детства панически боюсь пауков.

Правда, буквально через несколько секунд мысль о пауке отошла на второй план. Потому что Тимофей вдруг прижал меня к себе, да так крепко, пламенно, что я растерялась.

– Все хорошо, успокойся, – прошептал он обжигающе соблазнительным голосом мне на ухо, глядя по спине, плечам, волосам. Он делал это так... заботливо и в то же время ласково, что кровь в венах вмиг вскипела. Мысли потоком закружили в голове, только я их понять не могла, словно они звучали на инородном языке.

– Тим, – умоляюще позвала я, понимая, какие порочные, неправильные ощущения меня захватили, как внутри волнительно затрепетало. От внезапно нахлынувшего жара я начала с жадностью хватать губами воздух. Но Тим не позволил мне отодвинуться, наоборот, крепче прижал к себе, продолжая гладить по спине. Я окончательно растерялась.

А потом он резко отстранился, как ни в чем не бывало, и улыбнулся. Я же смутилась. Отвела взгляд, закусила губу до боли. Повезло Маринке. Как бы ужасно это ни звучало, но глубоко внутри я завидовала ей. По-доброму. Ведь у меня и парня-то толком никогда не было. На свидания звали, но я отказывалась, придумывала отговорки. Все ребята казались мне не такими: от одного дешевыми сигаретами противно несло, другой много ругался, третий был бабником. А Тимофей у Маринки... Он даже с виду солидный, серьезный, будто из другого мира.

– Наверное, это твой тайный поклонник, – предположил Тим, вытащив меня из оцепенения.

– Поклонник? – вяло прошептала я. – Там был паук...

– Ой, – отмахнулся он, – залез, может случайно. Кто в здравом уме будет посылать пауков? Это же еще найти надо, поймать, посадить в коробку. Это точно случайность. Так что бери, игрушка симпатичная.

– Не очень хочется, – пожала я плечами, уныло заглянув в коробку.

– Ты обидишь своего поклонника, – строго сказал Тимофей. Тон у него был таким, не терпящим отказов. Я с опаской взглянула на парня, и он поспешил добавить: – Уверен, товарищ просто пытается к тебе подмазаться. Скромный, полагаю.

А дальше Тим просто вытащил медведя, осмотрел и протянул мне. Я не хотела брать, на интуитивном уровне чувствовала, что не надо этого делать, но тут за дверью раздался грохот, потом прогремел голос дядьки, и мне в очередной раз стало стыдно. Что обо мне подумает Тимофей, если увидит семью, в которой я живу? Пьяного дядю, дружков его, бутылки, которые бабушка не успевает выносить из дома. Нет! Такого я допустить не могла. Поэтому схватила медведя, прижав к себе, и протараторила:

– Мне пора, спасибо за помощь.

Он ничего не ответил, да и не успел бы, полагаю. Потому что я стремительно скрылась в квартире.

Глава 3

К моему возвращению дядя Вова уже спал. Он завалился на бабушкин диван и храпел так, что содрогались стены. Бабушка убиралась на кухне: гремела пустыми бутылками, подметала, переключивала остатки еды из сковородки в тарелки. Несмотря на то, что дядя Вова, ее сын, беспробудно пил, она не выгоняла его из дома, а бывало, и сама бутылку приносила. Считала, что пусть лучше на ее глазах пьет, чем на улице, где его и по голове могут стукнуть и поминай как звали.

– Бабушка, есть что покушать? – спросила я, крепко прижимая к себе коробку с медведем.

Бабушка с неохотой оглянулась и снова принялась мести.

– Ясно, – склонив понуро голову, я побрела к себе. Вполне привычная для меня ситуация – лечь спать без ужина или весь день просидеть на одном чае. Бабушка меня не то, что не любила, порой казалось, она меня ненавидела. И если бы не деньги матери, которые та стабильно раз в неделю переводила мне на карту, я бы точно пошла по миру с протянутой рукой.

Зайдя к себе в спальню, тут же закрыла дверь на щеколду. Старая кровать противно закрипела, когда я села на нее и вытащила из коробки игрушку. Вполне сносный медведь, даже симпатичный. И место я ему быстро нашла – в уголке, на книжной полке. Пусть там стоит. Но вот остальные коробки вытаскивать и вскрывать я пока не решалась.

Пытаясь отвлечься, села за подготовку к завтрашней паре: повторяла материал, заучивала новые слова по-иностранному. После сходила в душ, а когда вернулась к себе и скинула халат, оставшись в одном белье, вдруг замерла. Такое странное ощущение возникло, будто кто-то на меня смотрел. Жутко стало, аж мороз по коже. Причин этому ощущению у меня не было, необычное оно какое-то. Может, я просто переутомилась? Нервы порой неплохо сбивают с толку.

Так что я быстро нацепила пижаму и для приличия, хотя скорее для галочки в голове, осмотрелась. Никого нигде нет. Даже в окно выглянула, чтобы убедить себя. Правда, в беспросветной тьме тоже не обнаружила ничего.

– Ерунда, – буркнула и плюхнулась на кровать.

Утром я проспала, и так торопилась на учебу, что о своих переживаниях напрочь забыла. Да и какие могут быть переживания, если это лишь плод моего воображения?

Собравшись на скорую руку, я выскочила во двор. Утро выдалось прохладным: в воздухе витал запах мокрой земли, после ночного дождя. Асфальт блестел от капель, а в лужах отражалось хмурое небо. И именно в этот момент я заметила около магазинчика знакомую машину. Чёрный спорткар стоял у обочины, заметно выделяясь на фоне нашего убогого района. Рядом, небрежно прислонившись к дверце, расположился Маринкин парень. В чёрной футболке, кепке и джоггерах. На ногах берцы, руки в карманах, поза расслабленная. Он смотрел куда-то вдаль, задумчиво, и даже где-то озадаченно. Солнечный луч, один единственный, который успел пробиться сквозь свинцовые облака, скользнул по его лицу, подчеркнув чёткие черты: линию подбородка, изгиб губ, и тень от козырька кепки.

Интересно, что он здесь делает?

Мимо прошла группа девочек, и одна из них задержала на Тиме взгляд чуть дольше положенного. Я невольно прикусила губу, ощутив что-то вроде негодования, но быстро одернула себя. В конце концов, Тим мне даже не друг, чтобы я о нем хоть как-то думала. Правда, и пройти мимо не получилось. Когда я уже приблизилась к остановке, он меня окликнул:

– Настя!

Вздрыгнув от неожиданности, я резко обернулась. В груди почему-то все сжалось, а затем вспыхнуло, словно спичкой чиркнули, и разлилось теплом. Улыбка, подчеркиваю, максимально произвольная, коснулась моих губ, и я торопливо подошла к Тимофею.

– Привет. – Поздоровалась я, и следом добавила. – Что ты тут делаешь?

– Да я живу рядом. – Он указал на новые многоэтажки через дорогу. Элитный район, закрытая парковка, огромная детская площадка, охрана на въезде. И все это находилось рядом с местом, где коротали нищенскую жизнь мы, обычные люди, ниже среднего класса.

– Понятно, – сухо отозвалась я. – Раньше никогда не замечала тебя в нашем районе.

– Вот как? – он загадочно улыбнулся. Было в этой улыбке что-то одновременно привлекательное и опасное, как красный сигнал бедствия. Беги от этого парня, кричал он. Беги и не оглядывайся.

Хотя, возможно, дело было в другом. Тим нравился моей лучшей подруге, и мне действительно стоило держаться от него подальше.

– Мне пора, – помялась я, крепче сжав лямку старенького рюкзака. – Первая пара начнется через час.

– Садись, подброшу.

– Нет, – замахала я руками. – Не нужно. Я на маршрутке.

– Завязывай, – усмехнулся Тим, а следом схватил меня за локоть и практически силой усадил на пассажирское сиденье своего спорткара. Потом сам сел за руль и потянулся за ремнем безопасности, чтобы пристегнуть меня. И вдруг замер прямо напротив моего лица. Всего на пару секунд, не больше. Но мои щеки тут же покрылись румянцем, а низ живота залил раскаленным свинцом. Я часто заморгала, пытаюсь привести себя в чувства, и, напоминая, что не имею права смущаться. Не перед этим парнем. Каким бы красивым он ни был.

Тим будто и сам понял, что задержался, и быстро отдалился.

– Может, я все-таки...

– Поехали, только музыку включу, – он провел пальцем по сенсорной панели, и из колонок раздалась лиричные басы.

Автомобиль резво сорвался с места. Слишком внезапно, настолько, что я моментально напрягалась, впиваясь пальцами в ручку над головой. Хотя меня напрягало не только это, все до мелочей: бешеная скорость, с которой мы неслись по улицам, то, как Тим входил в повороты, и его цепкий, сосредоточенный взгляд на дороге. Даже воздух в салоне будто стал гуще, тяжелее.

Но все изменилось не от этой поездки, а от телефонного звонка, который раздался в моем кармане. Именно в тот момент жизнь окончательно полетела в тартарары.

Все началось именно с этого звонка. Наверное...

Глава 4

– Чего не отвечаешь? – как бы между делом поинтересовался Тим.

– Да это Мишка Горбунов. Он за мной с десятого класса бегаёт.

Тим кивнул, чему – я не поняла, но вид у него сделался серьёзный, задумчивый. Однако я не заострила на этом внимания, может, Тимофей вообще о дороге и машинах думал, как бы объехать, допустим, этот огромный камаз. Поэтому спокойно продолжила рассказ:

– Он очень хороший парень, но я не могу с ним дружить или встречаться. Первое: потому что давать ложную надежду нехорошо. А второе... ну не в моем он вкусе.

– Может, и коробки черные посылает он? – предположил Тим.

– Нет, – быстро возразила я, усмехнувшись. – Мишка слишком прямолинейный, до таких вещей он бы не додумался. Зато если что-то случится, к нему можно обратиться за помощью. Тоже, конечно, не очень правильно – людей использовать...

– Почему же? – на губах Тима сверкнула саркастичная ухмылка, а затем он резко перестроился в соседний ряд, отчего я ударилась головой о стекло.

– Эм... все нормально? – пролепетала, потирая ладонью висок. Немного больно, но не смертельно.

Тим не ответил, и какое-то время мы ехали в тишине. Я бросала на него взгляды, пытаюсь понять реакцию. Он был сосредоточен на движении, лицо оставалось непроницаемым. И заговорил он со мной только тогда, когда впереди показался мой институт.

– Подъеду прямо к твоему факультету, – сообщил безапелляционным тоном Тим, а я растерялась и не сразу нашла, что сказать ему. Охрана не разрешала посторонним машинам въезжать на территорию, тем более прямо к дверям корпуса. Последнее вообще позволяли только декану. Однако возражать было поздно — Тим ловко пристроился за скромной «газелькой», которая, по всей видимости, привезла свежие продукты для столовой. И в тот момент, когда за фургоном начал опускаться шлагбаум, наша машина проскочила вперед.

— Эй! — крикнул охранник, высунувшись из окна своей будки. — Ну-ка стоять! Стоять, кому говорят!

— Слушай, — замялась я, нервно оглядываясь через плечо. Охранник выскочил на улицу и бежал за нами, размахивая руками. — Не стоит так резко... это привлечет...

Договорить не успела: Тим крутанул руль с ловкостью заправского гонщика, и его спортивная машина, словно по волшебству, развернулась, оказавшись прямо напротив моего факультета. Я замерла. По-моему, даже не дышала в этот момент, и сердце не стучало, будто его отключили. До того происходящее напоминало кадры из фильма. Понадобилось несколько глубоких вдохов, чтобы я пришла в себя.

– Приехали, – сообщил Тим, окинув меня таким взглядом, словно намекал, что я глупая гусыня, попала в уготовленную для меня ловушку. Это и пугало, и в то же время вызвало неподдельный интерес. Ведь таких людей как этот парень я никогда не встречала. А к темноте, как известно, свет тянется неосознанно, будто магнитом.

– С-спасибо, – только и смогла выдать.

– О, сколько народу, – присвистнул Тим, кивнув в сторону студентов, которые с открытыми ртами разглядывали нас и, судя по всему, охранника, который почти добежал до машины.

– Мишка, – я зачем-то показала на Горбунова, который уже стоял на улице. Сам он был полноватым, да и ростом не намного выше меня. Голубоглазый блондин, как и я, голубоглазая блондинка. Мы с ним могли бы сыграть роли идеальных брата и сестры, наверное.

– Я... пойду. Тем более он снова звонит.

– Иди, – не сказал, а словно одолжение сделал Тимофей. Затем перевел цепкий взгляд в сторону Миши, а может, мне так только показалось. Я была вся на нервах.

Выскочила из машины, пока охранник не устроил скандал, и понеслась в толпу. Горбунов при виде меня побледнел и от удивления раскрыл рот. Я его схватила под локоть, шепнув на ухо:

– Спасай меня, а то на ковер вызовут.

И Мишка, как полагается настоящему рыцарю, растолкал зевак на крыльце и протащил меня в здание.

– Кто это был? – спросил он, стоило нам оказаться на втором этаже.

– Маринкин бойфренд, – с тяжелым вздохом объяснила я, почувствовав в груди болезненный укол. Эх... Везет же ей. И главное, даже делать ничего толком не надо, – Маринка яркая, харизматичная, красивая, всегда окружена вниманием парней. А я из серии подруг, которых можно брать для тени. Но я все равно рада за нее. Пусть хоть кому-то везет в этой жизни.

– А почему тогда...

– Потому что ехать в одну сторону.

– Мажорик какой-то на папкины деньги кайфует? – ядовито буркнул Мишка.

– Я не вдавалась в подробности на чьи деньги он кайфует, – прочеканила раздраженно.

– Пошли, а то опоздаем. У нас вроде общая пара.

Горбунов поджал губы, было видно, что ситуация ему не понравилась. Обычно он рядом со мной никаких парней не наблюдал, а тут только одна машина чего стоила. Я когда мимо девчонок пробегала на улице, они только по ней томно вздыхали. Маринка бы увидела, ревностью запыхалась.

– Пошли, – кивнул Мишка и, обогнав меня, устремился в нужный кабинет.

А на следующий день произошло что-то максимально странное и нелогичное. Горбунов впервые прошел мимо меня и не поздоровался. И даже на физре, когда нас объединили, он делал вид, что в упор никого и ничего не замечает. Да и в целом выглядел мрачно, голову в плечи вжал, осунулся, будто боялся чего-то. Это совсем не вязалось с тем парнем, которого я знала со школы. Не выдержав настолько странного поведения, я подловила Мишку в коридоре после третьей пары и приперла его к стене.

– У тебя все в порядке? – поинтересовалась я участливо, оглядев его с головы до ног. Вдруг кто-то издевается? Хотя никаких ссадин или синяков не обнаружила.

– Отойди, – резко прошипел Мишка.

– Что с тобой? Ты обиделся на меня, что ли?

– Нет! – категорично бросил он и рванул прочь. Как от чумы. От яда, который передается по воздуху. Я обомлела.

– Миша! – крикнула ему в спину.

– Отстань! – бросил через плечо, не глядя на меня.

Он уходил так стремительно, словно в моменте мог испариться не просто из коридора, а в целом, из моей жизни. И это вызывало недоумение, вопросы, на которые я не могла найти ответов. Что, в конце концов, случилось? Вообще-то недосказанности я не любила, поэтому отправилась следом, в надежде, что вот сейчас мы все-таки сможем поговорить. Может, он на что-то обиделся, или злиться.

Догнав Горбунова, дернула его за руку, но он отшатнулся, будто ошпарился. И посмотрел на меня с обидой и чем-то напоминающим страх.

– Никогда ко мне больше не подходи, поняла? – прорычал он предупредительным тоном. Несколько секунд его глаза блуждали по мне, словно не в силах сконцентрироваться, распознать ту, что отлично знал, а теперь наоборот – видел незнакомку. Затем Мишка сам себе кивнул и ушел. Ушел и оставил меня в полном недоумении.

Хотя это... это было только начало.

Глава 5

С Маринкой мы учились в разных корпусах, поэтому пересекались в институте редко. Но сегодня нам поставили смежную пару, и я, как только увидела подругу, поспешила поделиться с ней странностями Мишки. Мне не давало покоя, как он резко переменился.

– Может, у него биполярка обострилась? – хихикнула Марина, разглядывая свеженький френч на ногтях.

– Глупости говоришь, – нахмурилась я, ожидая совсем другого. Совета, например, или предположений о причинах резкой смены настроения Горбунова.

– Ну а что? – Маринка вытащила из рюкзака злаковый батончик. – Парень сохнет по тебе со школы, наконец-то понял, что ему ничего не светит, и решил кинуть тебя в блок. Как по мне, логично. Я бы точно кинула.

– То есть вчера он приревновал к твоему Тимофею, а сегодня, значит, иди-ка ты, дорогая, в блок?

Про то, что Тим меня подвозил, я сразу рассказала. Не хотелось секретов или недомолвок. Марина – моя единственная подруга, и отбивать у нее парня, как бы это глупо ни звучало, я бы никогда не стала. Несмотря на то, что рядом с ним я терялась как первоклашка. Да и он, уверена, на такую как я не обратил бы внимания. Мне кажется, что парней вроде Тимофея серые мышки не интересуют.

– Увидел, какие пацаны рядом с тобой, и почувствовал себя ущемленным. – Маринка засмеялась. Горбунов ей никогда не нравился, порой она открыто кривилась при виде него.

– Ой, ладно, – я махнула рукой, решив, что дальше продолжать смысла нет. У нас разные взгляды на этот счет, Белкина не понимала меня и моих рассуждений.

– Точно! – Марина хлопнула в ладони, вспомнив что-то. – Я тебе говорила, что мне недавно куратор предложила поехать по обмену в Германию?

Вот уж новость так новость.

– Нет, – наверное, мой ответ должен был прозвучать более эмоционально, на деле же мне сделалось грустно. Может, я эгоистка, но радоваться тому, что лучшая подруга уедет, и неизвестно не навсегда ли, сомнительное удовольствие. Я и так себя считала максимально одиноким и не особо счастливым человеком, а еще боялась... Того, что однажды обязательно произойдет. И мне будет некуда податься, некому позвонить и обратиться за помощью, разве что в службу спасения.

– Мне одобрили бесплатный перевод, – продолжала Маринка, ерзая на диванчике. – Я в шоке. Со всего потока только мне дали добро, даже не Оле Комаровой, хотя она краснодипломщица. Прикинь?

– А как же Тимофей? – зачем-то напомнила про ее парня. Почему-то показалось, что он – последняя соломинка, за которую можно уцепиться.

– А что Тим? – Белкина пожала плечами. – Он, конечно, красавчик и при бабках, но такие парни... Они же не играют в серьезные игры, Настюш. Да, он в постели огонь, у меня такого секса, – она чуть наклонилась и шепнула мне на ухо, – никогда не было. Я бы с ним до последнего тусила, но возможность свалить отсюда меня привлекает больше.

– Вот как?

– Эй, ты чего? – она приобняла меня, щелкнув по носу. – Только не говори, что не рада за меня.

– Рада, просто это так неожиданно, – я отвела взгляд в сторону.

– Сама в шоке. Ты знаешь, это реально неожиданно, – Марина убрала руку и принялась в подробностях рассказывать: – Наш универ вообще такие вещи не спонсирует, да и принима-

ющий тоже, а тут мне девочка из отдела сказала, что появилась возможность, и пропихнула меня. Не зря я ей конфеты таскала.

– Когда отъезд? – только и смогла выдавить я, ругая и коря себя, что не радуюсь за подругу. Неправильно это, очень неправильно.

– Через месяц, нужно документы подготовить кое-какие. Пока мне дали возможность отучится там три или четыре недели, но сказали, если хорошо покажу себя, могут продлить до полугода. Я в шоке, Настюха! – глаза Маринки светились от счастья, а мои, вероятно, меркли с каждой секундой. Я будто теряла важного человека, безвозвратно теряла. Что-то похожее на интуицию подсказывало – подруга не вернется.

В пятницу по традиции мне снова пришло уведомление от курьерской службы. Дома как раз никого не было, что редкость, и я вышла забрать посылку. Все та же черная коробка с алой лентой.

От одной мысли о том, что придётся открыть её, по спине пробежал привычный неприятный холодок, словно я держала в руках что-то ядовитое. Воспоминания о предыдущей посылке не давали покоя — тогда внутри оказался медведь. Вполне безобидный. Может... и в этот раз ничего серьезного?

Любопытство все-таки победило, и я дрожащими руками потянула за ленту, открыла крышку и... Медведь. Абсолютно такой же: в нежных светлых кремовых оттенках, небольшого размера с сердечком в руках. Он не выглядел пугающим и посланий к нему никаких не прилагалось. Мишка как мишка.

– Не понимаю, – устало вздохнула я, разглядывая игрушку. – Почему ты мне присылаешь их? Почему сам не придешь и не скажешь, кто ты?

Щелкнул дверной замок, и я поспешила спрятать игрушку на верхнюю полку, усадив рядом с книгами. Чтобы ни у кого не возникло вопросов, откуда у меня она. Если бабушка узнает, что кто-то мне подарки дарит, тут же за дверь выставит. Нет, я бы и рада уйти отсюда, да только пока некуда.

Наш дом – место, куда никто в здравом уме не захотел бы вселиться. Дядька регулярно уходит в запой, хоть ему и тридцать пять всего. И уходит не один, а с друзьями, такими же мужиками-алкоголиками чуть старше него. Везет, если в эти моменты либо бабушка в квартире, либо я где-то в другом месте. А вот когда бабушки нет, мне становится страшно. Словно вот-вот монстр из-под кровати высунет свои слизкие когти и раздерёт на части. Слишком сальные взгляды у друзей дядьки, двусмысленные. И вопросы с явными намеками.

Но я не падаю духом! Уверена, однажды мой личный ад закончится и жизнь наладится. По крайней мере, так я себя утешаю, чтобы не зачахнуть.

– Настя! – крикнула бабушка с кухни, шурша пакетами. Я поднялась и пошла помогать. Такое правило: если я хочу жить в этой квартире, обязана убирать, готовить, с продуктами разбираться.

– Ого, сколько ты набрала, – любезно протянула я, вытаскивая овощи.

– К Вовке друзья придут, надо приготовить.

– Опять? – мне сделалось дурно. Приход дядиных друзей это всегда выпивка. Они особо не закусывают, но бабка все равно заставляет меня готовить. Так ей на душе легче, что ли, будто не она собственноручно помогает сыну спиваться, оставляя свой кошелек вечно открытым для него.

– Не опять, а снова. А что? – бабушка глянула на меня, лицо ее, усыпанное морщинами, скривилось в раздражении. – Не нравится, так шуруй отсюда. Не держим.

– Что приготовить нужно? – мягко поинтересовалась я, чтобы сгладить вмиг накалившуюся атмосферу.

– Оливье сделай да вареников налепи. Завтра вечером они придут.

Я хотела сказать, что у меня зачет на носу и надо готовиться, но одернула себя. Никому мои проблемы не интересны. Пришлось в очередной раз намотать сопли на кулак, глубоко вздохнуть и постараться принять реальность такой, какая она есть. А лучше – найти вариант, куда можно слить. Очень не хотелось пересекаться с пьяными мужиками.

– Хорошо, поняла, – кивнув, я занялась готовкой. Поставила овощи вариться, замесила тесто. Бабушка, ясное дело, не помогала. Она считала, что я иждивенец, нахлебник, который должен благодарить ее за помощь. Может, так оно и есть, да только разве это был мой выбор – оказаться дочерью таких родителей? Я до сих пор вспоминала ту ночь из детства, как в кошмарном сне... И надеялась, что она никогда не повторится.

Закончила с готовкой ближе к десяти, к тому времени вернулся дядя Вова, по традиции, пьяный в стельку. Правда, сегодня пронесло – он молча лег спать, и я тихонько выдохнула. Не будет скандалов.

Спокойно сходя в душ, я юркнула к себе и закрыла дверь на щеколду. На всякий случай. Сняла халат, оставшись в спортивном лифчике и трусиках, и уже хотела надеть пижаму, как телефон издал сигнал. Взяв мобильный, я провела пальцем по экрану. Входящее сообщение. Не в мессенджере, а по старинке, обычное смс.

“Кажется, нам пора познакомиться. Ты не находишь?”

Сердце сжал панический спазм. Меня передернуло. Ничего романтического в тайном поклоннике я не видела. Мне не нравились ни подарки, ни нездоровый интерес в мою сторону.

И следом, будто подтверждая мое чувство, что это все неправильно, прилетело еще одно послание:

“Классная задница. Я бы упаковал ее в черное кружево вместо этого убогого серого хлопка”.

Телефон выскользнул из рук. Я в страхе оглядела комнату. Затем ринулась к окну и спешно закрыла вторую штору. Как? Откуда этот аноним знает, что на мне сейчас надето? Господи... Что происходит?

Экран телефона снова загорелся. Я на носочках подошла к нему, подняла и, затаив дыхание, прочла новое сообщение:

“А потом бы распаковал и трахнул. Ночью, пока ты будешь спать. Согласись, звучит заманчиво?”

Глава 6

Душу захватил липкий страх, он прошелся вдоль позвоночника, заставляя меня сжаться в нервном напряжении. Я снова подошла к окну, дернула ручку и распахнула его, выглядывая на улицу. В лицо ударил прохладный весенний ветер. Кругом царил тьма. Такая беспроглядная, всепоглощающая, словно в каждой тени таился демон. Мне сделалось жутко.

Хотелось верить, что у парня, который прислал эти сообщения, только один мотив – симпатия. Хотя последнее смс вызвало двойные ощущения.

На улице раздался скрип, и я вздрогнула, затем с шумом захлопнула окно. Опустилась на корточки, дрожа от испуга, и какое-то время так и сидела. Страх, подобно катализатору, запустил необратимые процессы. Шорохи вызывали мороз по коже. Шаги за дверью заставляли сердце сжиматься. И вроде все было как обычно, бытовые шумы в жилой квартире – вполне нормальное явление, только теперь мне почему-то казалось, что это совсем не так. Словно даже сейчас, в этой комнате, я была не одна. С ним. Со своим преследователем. Сталкером.

Ручка двери резко дернулась и я пискнула.

– Настя! – с той стороны по двери активно застучала бабушка.

Впервые в жизни я была рада ей. Быстро поднялась, натянула пижаму и открыла дверь. Боже, как хорошо, что я жила не одна.

– Что-то случилось? – в моей интонации сквозило волнение, но бабка ничего не заметила.

– Ты забыла протереть плитку, – покачала она пальцем, намекая, чтобы я немедленно это сделала. Я не стала возражать, наоборот, обрадовалась. Больше всего на свете мне хотелось куда-то уйти. Прочь из комнаты. Теперь даже там я ощущала себя... в опасности.

На выходных удалось попроситься к Маринке с ночевкой. Хорошо, что Тим был в отъезде, иначе она бы точно не согласилась. А перспектива просидеть до утра в подъезде не особо радовала, пусть порой там и было безопаснее, чем рядом с дядькой и его пьяными друзьями.

Все выходные мы с Маринкой смотрели сериалы и ели лепешки, которые я напекла. А в понедельник утром вместе отправились на учебу.

– Ты рассказала Тиму про отъезд? – завела я старую тему, пока мы ехали в автобусе на первую пару.

– Сказала.

– А он?

– А что он? Показал большой палец и пожелал удачи, – Маринка натянуто улыбнулась, копошась в сумочке.

– И... ты не переживаешь из-за его реакции?

– Ну... – шумно вздохнув, она сжала в пальцах косметичку. – Вообще, мне бы хотелось другого, но по нему видно, знаешь, что его не интересуют серьезные отношения. Потрахались и разошлись. Хотя кое-что меня порадовало!

– И что же? – улыбнулась я, выглядываясь в глаза подруги.

– Он с мобилкой обычно не разлучается, но тут оставил на кухне, и я... – Маринка понизила голос до шепота, – полистала историю браузера и заметила там кое-что очень красивое!

– Подарок?

Ответить она не успела – автобус дернулся, пассажиры стали ругаться, а потом была наша остановка. В итоге мы сменили тему и стали обсуждать моего анонима. Я еще в субботу рассказала обо всем Марине и переписку показала. Она, конечно, посоветовала пообщаться, если вдруг он начнет писать с обычного номера, узнать, что надо парню, почему он делает все испод-

тишка, а не прямо. Я бы и рада потребовать у него ответов, но номер, с которого приходили сообщения, был скрыт, и написать или позвонить было невозможно.

– Жуткий он, – заключила я. – И почему нормальные ко мне не подходят?

– Потому что одеваться надо ярче, а не как серая мышь.

– Спасибо, уже наодевалась. Вон нарисовался один...

– Да ладно, – махнула Маринка рукой. – Фигня это. Думаю, скоро он отстанет.

И мы разошлись на свои пары и в этот день больше не пересекались.

Вечером домой я возвращалась без особого желания. Сказать по правде, у меня его никогда и не появлялось. Чужая. Ненужная. Была бы возможность, бабка бы давно выгнала меня. Но, видимо, воспитание, старая закалка не позволяли этого сделать, по этой же причине я не оказалась в детском доме.

Поднявшись на свой этаж, дернула привычно ручку. Дядя Вова постоянно терял ключи, поэтому входную дверь днем мы не запирали.

В нос ударил противный запах пота и перегара. Я тихонько заглянула в зал. Никого. Дверь в бабушкину комнату была открыта, однако самой ее не обнаружилось. Видимо, вышла куда-то, когда дядя еще был дома. Может, мусор вынести там или почту проверить, кто ее знает.

Скинув куртку и обувь, я направилась к себе. Хотя пару минут полежу спокойно. Правда, стоило переступить порог, как я сразу наткнулась взглядом на коробку. Черную. С алой лентой. И не где-то, а прямо на моей кровати.

Меня затрясло. Холодный пот выступил на лбу. Сердце ухало, подпрыгивая до самого горла. Я в панике замотала головой, не веря в происходящее. Как? Как это... оказалось в моей спальне? И тут вспомнила, что дома ни души, а двери были открыты. А вдруг он тут? Этот человек? Вдруг он прямо сейчас выскочит из шкафа или уже стоит позади меня?

От этой мысли легкие словно пронзило чем-то острым, дышать стало больно. Резко обернувшись, я окинула помещение лихорадочным взглядом. Пусто. Чтобы успокоиться, я пробежала по квартире, проверяя каждую комнату, даже ванную и туалет. Никого. А потом в окне я заметила бабушку с мусорным ведром, она стояла у подъезда и спокойно болтала с соседкой. Выходит, она действительно вышла недавно.

– Может... – произнесла вслух. – Она получила посылку и принесла мне?

Вариант был вполне логичный. Не стоило переживать раньше времени.

Взгляд вновь притянула коробка. С одной стороны, происходящее будоражило кровь, вызывало интерес, с другой – пугало. Настолько, что тряслись колени, и перехватывало дыхание. Превозмогая страх, я подошла ближе. Заставляя себя не зажмуриваться и дышать спокойно, потянула пальцами ленту, подняв крышку коробки.

Медведя внутри не оказалось. На дне коробки лежало что-то плоское, скрытое черной оберточную бумагу. Я помедлила с минуту. Наконец собравшись с духом, аккуратно убрала бумагу и замерла от увиденного.

Кружево. Нижнее белье. Очень дорогое, судя по бирке с названием бренда.

– Господи... – только и смогла выдавить из себя, вытаскивая бюстгальтер и ниточки, похожие на трусики.

Неожиданно из бюстгальтера выпал клочок бумаги. И я снова огляделась. Складывалось стойкое ощущение, что я не одна. Будто кто-то за мной пристально наблюдал. По спине прошелся холодок, но я все же подняла бумажку с посланием.

“Предлагаю сыграть в игру. Примерь мой подарок, и я, возможно, оставлю тебя в покое. А если откажешься или выкинешь его, то... правила изменятся, и ты сильно пожалеешь об этом. Выбор за тобой, малышка. И поверь, лучше, чтобы наши с тобой желания совпали. Для тебя лучше”.

Глава 7 – Из воспоминаний сталкера

Пам. Пам. Пам. Бью пальцами по столу, подперев рукой подбородок. Честно сказать, занятие довольно скучное, но цель оправдывает средства, поэтому я продолжаю охоту. Это даже забавно – узнавать тебя ближе, нащупывать твои слабости.

Но пока что я знаю очень мало, и рычагов давления у меня тоже ограниченное количество. Надо это исправлять. Время испаряется. Его безумно не хватает, но я должен успеть.

Ты подходишь ближе, и я сильнее приближаю картинку, чтобы внимательнее рассмотреть тебя. Зачем? Не знаю. Я ведь множество раз видел тебя вблизи. Но теперь... как-то иначе все.

Отмечаю мысленно, что у тебя утонченные черты лица, которые в тусклом освещении дешевой квартиры кажутся идеальными, какими-то кукольными. Твои глаза таят в себе ангела и демона одновременно. Такие бывают только у бунтарок, но ты больше смахиваешь на тихушницу.

Снимаю кепку с головы и тянусь за банкой энергетика. Я не сплю уже третью ночь, мыслей так много, что башка гудит, как гребаный мотор. Приходится накачивать себя всякой дрянью, иначе поиграть с тобой не получится.

Ты с опаской разглядываешь белье, проводя по нему пальцами. Уверен, логотип бренда сделает свое дело – ни одна девчонка не устоит перед дорогими подарками. Особенно, если учесть, в каком клоповнике ты живешь.

Скука испаряется, и мне становится интересно, что будет дальше. Ты сдашься или покажешь зубки? Хотя мне должно быть плевать, ведь это не основная моя цель. Тебе следует меня бояться, сходить с ума от леденящего страха, думать, что попала в клетку, из которой выбраться невозможно. Иначе эта затея потеряет всякий смысл.

Наклоняюсь ближе к монитору и напрягаюсь, наблюдая, как ты запираешь дверь, несколько минут нерешительно топчешься, а затем начинаешь расстегивать рубашку. Пуговицы за пуговицей. Несколько неловких движений, вслед за рубашкой и джинсы оказываются на полу, а потом и белье. Стремное. Простенькое. Совсем не сексуальное. Ты быстро подхватываешь мой подарок и пытаешься одеться.

Ровно до этого момента я считал тебя никакой. Но вот сейчас, смотря на тебя обнаженную, на то, как твои бугорки упираются в черное кружево, ход моих мыслей меняется.

Ты кружишься перед зеркалом, словно никогда не видела себя такой – конченной шлюшкой. Девушкой, которую хотят все, и которая хочет, чтобы ее трахали. Жестко. До хрипа и стонов.

Ты распускаешь волосы, проводя по золотистым прядям пальцами.

Нащупав телефон, я хочу написать тебе очередное послание, но вовремя себя торможу. Ты не должна знать, что я тебя вижу, слежу за тобой. Рано. Пока рано.

Вижу, как ты размыкаешь пухлые губы, и ловлю себя на мысли, что они неплохо бы смотрелись на моем стволе. Было бы забавно наблюдать, как ты стоишь передо мной на коленях, невинно хлопая глазами. Позволяешь мне засадить тебе до самой глотки, намотать волосы на кулак, а после кончить на твою грудь. Размазать горячую жидкость по твоему ангельскому лицу.

– Твою мать! – громко выругавшись, я отключаю монитор. У меня есть правила, стратегия, план. Я должен думать только об этом, а не о том, как трахнуть девчонку, которую я ненавижу.

Откинувшись на спинку кресла, уношусь воспоминаниями в тот день. В свое детство. Испорченное. Перечеркнутое. А потом почему-то вспоминаю твоего ухажера. Я подловил его за углом около универа. Схватил за горло, прожигая взглядом придурка, который жаждет тебя иметь. Никто не посмеет притронуться к тебе, пока мы не закончим. Я не позволю.

– Еще раз увижу тебя рядом с Настей, – спокойно проговорил я ледяным тоном. – Отрежу твои чертовы яйца. Понял?

Он молчал, в глазах стояли слезы.

– Если понял, кивни.

И он послушно кивнул. За всю жизнь ни один человек не смел перечить мне. Я вырос отъявленной сволочью, кто-то за спиной называл меня монстром. Но мне плевать. На всех. Кроме тебя. Ты – мой смысл существования. И пока я не исполню задуманное, даже концу света не позволю настать.

Шумно выдохнув, я открываю глаза и снова включаю монитор. Ты снимаешь лифчик, затем трусики. Твоя задница не должна меня возбуждать, но... видимо, придется утихомирить внутреннего демона.

Так уж и быть, я достану тебя, детка. Очень скоро. А потом уничтожу.

Глава 8

Белье в самом деле красивое. И я в нем выглядела не такой серой и мрачной, а реально сексуальной. Правильнее было бы не примерять, кто знает, что в голове у человека, присылающего мне такие подарки. Но у меня подобных вещей никогда не было, и желание... жгучее, от которого вдруг между бедер сделалось жарко, пересилило.

Я покружилась перед зеркалом и быстро переоделась в пижаму. А потом снова взяла записку, перечитала ее, и мне стало не по себе. Создавалось ощущение, что у stalkера глаза повсюду. Откуда он мог знать про мое спортивное белье? Хотя Маринка предположила, что это несложно. Вроде такой стиль одежды, как у меня не подразумевал что-то другое, и в целом я сама не решилась бы на кружева.

В итоге, я спрятала коробку под кровать. Правильнее было бы выбросить подарок, но не смогла. Сама не знаю почему.

Когда бабушка вернулась домой, я хотела спросить про коробку, но она в очередной раз загрузила делами.

– Пора окна мыть, на улице плюс двадцать. Они вон какие грязные. И пледы перестирать.

– Да, на выходных...

– Каких выходных? – раздраженно буркнула бабушка, закладывая в мусорное ведро новый пакет. – Сегодня. Что просто так просиживать штаны будешь?

– Вообще-то мне нужно зани...

– Меня не интересует, – отрезала она и ушла прочь из кухни.

Следующие два дня бабушка активно загружала меня делами, а если учесть, что мне нужно было готовиться к зачетам и тестам, то времени размышлять про анонима и его подарки не было.

А в пятницу новая коробка не пришла. И я наивно предположила, что незнакомец от меня отстал. Все закончилось. Больше нет смысла переживать по пустякам. Скорее всего, я ему просто наскучила. Может, он ждал какой-то другой реакции, что я от радости выпрыгну из штанов, и захочу скорее с ним увидаться. Не получив желаемого, он просто отказался от затеи. Так мне хотелось думать...

Отъезд Маринки состоялся раньше на две недели. Как так получилось, она и сама не поняла. Документы подготовили быстрее, и на принимающей стороне торопили, мол, не тяните.

В аэропорт я поехала провожать ее одна, на такси, с отложенных денег, которые у меня имелись. Иногда брала писать курсовые, тестовые работы, помогла с ответами на вопросы к экзаменам. Моя бы воля, я бы устроилась и в кафе куда-то, но мест с совмещением не находилось. Вот и крутилась как могла.

– Слушай, все же хорошо будет? – вдруг спросила меня подруга, когда мы подъезжали. И я впервые задумалась, почему Тим не провожает ее. Это показалось странным. Разве он не будет скучать или переживать?

– Конечно, у тебя все получится, – подбодрила я.

– Тим тоже так сказал, – в ее голосе сквозила грусть. И мне подумалось, что Маринка где-то глубоко в душе не хотела уезжать. Возможно, из-за родного города и знакомых мест, а возможно, причиной был Тимофей. Она не признавалась, но таких парней встретить практически невозможно.

– Мы в тебя верим, – я тактично отвела тему от Тима, решив, что ей и без этого хватает переживаний.

– Звони мне, пиши, и вообще, не забывай, – попросила Марина. Мы обнялись на прощание, обменялись дружелюбными улыбками, и подруга выпорхнула из такси, а я поехала на занятия.

Пары никто не отменял, да и пропускать нельзя. Я училась на бюджете и не могла позволить себе слететь с него. Ни матери, ни отца, считай, у меня не было. Нет, по факту они оба живы, но здоровы ли – не знаю. И если о том, куда делась мама, вопросы еще возникали, то мысль хоть раз встретиться с отцом вызывало дикий страх.

Я не просто его ненавидела... Я его *боялась*.

Таксист высадил меня у шлагбаума, и я практически бегом помчалась до корпуса. Наверное, мне повезло, потому что преподаватель по маркетингу опаздывал. Поздоровавшись с одноклассниками, я прошла к предпоследней парте на свободное место.

– Кстати, – громко заговорила Оля Анурова, наша староста, – вы слышали, что к нам перевели новенького?

– К нам? – в один голос спросили Денис Бабаев и Андрей Васин, которые до этого играли на телефонах в онлайн-стрелялку, удивленно посмотрели на Олю.

– А что это он вдруг переводится? – озадаченно спросила Нонна Ляпова.

– Он вроде какой-то мажорик, – пожала плечами Анурова. – Не удивлюсь, что предки договорились.

Дверь в аудиторию с шумом распахнулась, и вошла наша куратор Алла Дмитриевна Гротова. Она была молодой девушкой лет тридцати с длинными золотистыми волосами, которые всегда носила распущенными. Парни называли ее “своей в доску”, потому что, в отличие от многих, Гротова относилась с пониманием даже к прогулам и сводила все к тому, что учиться не любит никто. Она не ругалась, не читала нотаций и не звонила родителям. Лишь предупреждала о последствиях. Но не более.

А следом за Аллой вошел он... У меня от неожиданности ручка из рук выпала. И сердце застучало сильнее. А когда наши взгляды случайно пересеклись, к щекам прильнул стыдливый румянец. Что происходит?..

– Ребята, знакомьтесь. Это Тимофей Макаров, ваш новый одноклассник.

“*Быть не может*”, – пронеслась шальная мысль в голове. Тим – парень Маринки – стал моим одноклассником? И когда? В день ее отъезда? Да как же... как же так? Почему?

Засунув руки в карманы черных чиносов, Тим ленивым взглядом окинул аудиторию, и его губы изогнулись в дерзкой ухмылке. Он даже выглядел иначе на фоне всех нас. Казался старше, умнее, увереннее. А две расстегнутые верхние пуговицы на его темной рубашке придавали строгому образу какое-то бунтарство.

Он был другой. Совсем другой. Не такой, как мы.

По аудитории прокатилась волна перешептываний.

– Блин, какой красавчик.

– Я слышала, он водит спортивную тачку.

– Интересно, у него есть девушка...

Девчонки, не стесняясь, едва ли не в открытую его обсуждали, а Тиму будто было плевать. Он кивнул в знак приветствия, затем двинулся вдоль рядов, выбирая себе место.

Внутри все сжалось от неожиданного волнения. И почему-то подумалось: вдруг Тим сядет рядом, прямо вот тут, на стул около меня. Потом повернется, тихо поздоровается, спросит о моих делах или, например, какой стоит следующая пара. А может, предложит вместе пообедать, ведь кроме меня он ни с кем в группе не знаком. От всех этих мыслей внизу живота сладко зануло, дыхание сделалось сбивчивым, лихорадочным. Внезапно я поняла, что сижу и улыбаюсь, как дурочка. Со мной такого никогда не было. Я вообще не понимала, что за странная реакция на этого парня.

Помотав головой, постаралась взять себя в руки. Но в тот миг, когда Тим прошел мимо и остановился рядом с партой Сони Молотовой, самой популярной девушки на потоке, внутри все резко оборвалось.

Глава 9

Я специально медленно засовывала учебники в сумку. Зачем? Сама не знаю. За целый день мы с Тимом не обмолвились и словом. Незнакомцы – вот как можно было охарактеризовать наши отношения.

Он, как знаменитость, ворвался вихрем в нашу студенческую жизнь и всех покори́л. Буквально каждого. Девчонки пищали, особенно Соня, она от него взгляда не отводила, не скрывая восторга. Парни пытались оказаться в лучах его славы, отхватить себе кусок популярности. И только я в сторонке стояла, несмотря на то, что мы знакомы, и Тим несколько раз меня подвозил.

Что-то будто было не так, а что, я не понимала.

Когда дверь с шумом закрылась, я вдруг заметила, что в аудитории остались только мы с Тимофеем. Он сидел за партой, подперев ладонью лицо, но стоило нашим взглядам пересечься, как Тим резко подорвался с места и оказался напротив меня.

– Я должен был обидеться, что ты не подошла ко мне первой, – в его тоне звучало пренебрежение, и я ощутила вину. Ладони стали влажными, а щёки предательски запылали. Я опустила глаза, боясь выдать свои истинные чувства. В голове крутились тысячи мыслей, но ни одну из них я не могла сформулировать в связную фразу.

– Я... просто это так неожиданно.

– Что именно?

– Отъезд Марины, твой перевод и... – Появление в моей никчемной жизни stalkера. Хотя последнее я не стала произносить вслух. И почему я о нем вдруг вспомнила? Он не давал о себе знать уже вторую неделю, пора забыть этого странного человека. Скорее всего, он потерял ко мне интерес. Но вот я снова о нем думаю, и это вызывает волну непонятной дрожи по телу.

– Ты же не одна, – ответ Тима прозвучал странно, с каким-то озорством или чем-то вроде того.

– Что?

– Я же здесь, – уголки его губ медленно приподнялись в едва заметной улыбке. Он сделал ещё один маленький шаг, сокращая расстояние между нами до опасного минимума. Не отрывая от меня взгляда, Тим опустил руку и уверенно положил ладонь на моё бедро. Я должна была оттолкнуть его, может и ударить, но почему-то ни единой противоречивой мысли у меня не возникло. Наоборот, я будто ждала, что будет дальше, как он себя поведет, что я почувствую. Это было неправильно, но я почему-то не думала о правильности в этот момент.

Его пальцы медленно скользнули вниз по моей ноге, они были горячими, словно до меня дотронулись раскаленные угольки. Я невольно вздрогнула, и закусил губы. А он продолжал пристально смотреть на меня, будто запоминал каждый миллиметр моего лица, и оценивал его.

Мы стояли неприлично близко, пожалуй, так могут позволить себе стоять только влюбленные, кем мы не являлись, и это очень сбивало с толку, путало мысли. Настолько, что у меня сбилось дыхание, а по спине пробежала волна мурашек — сладких, почти болезненных.

– Вот как? – кое-как выдавила из себя.

– Конечно, я не позволю тебе об этом забыть, – с деланным высокомерием заявил Тимофей.

Я не успела осмыслить его слова — слишком глубоко утонула в потоке непонятных чувств, что вихрем закружили во мне. Как Тим уже поднял руку и провёл кончиками пальцев по моей щеке — нежно, даже ласково. От этого лёгкого касания по телу снова прокатилась дрожь, смешанная со стыдом и острым, запретным удовольствием.

А когда его пальцы скользнули ниже и легли на мою шею, слегка сжав её, я не отстранилась. Не смогла. Все это выглядело с одной стороны странно, а с другой так естественно,

будто это нормально, чувствовать, как его палец надавливает на мою челюсть, а взгляд при этом оставляет невидимые отметины на лице.

Все это, конечно, недопустимо. Особенно по отношению к Марине. Он ведь её парень. Они всё ещё вместе... или нет? Если да, то почему тогда он смотрит на меня так, будто я его девушка, будто вот-вот его губы коснутся моих.

– Мне, наверное, пора. – Я закрыла глаза, дала себе несколько секунд, чтобы успокоиться. А когда открыла, обнаружила, что Тим убрал руку с моей шеи и просто стоял напротив. Улыбался. Хотя улыбка у него не была дружелюбной, скорее опасной и загадочной, как у настоящего демона, от которого впору держаться подальше. Схватив сумку, я быстро двинулась к дверям, но на полпути остановилась, услышав короткое:

– Угу.

И мне вдруг до назойливого захотелось спросить у Тимофея, почему он вообще в моем универе. Учился же раньше где-то, зачем перевелся. Может, это бестактно, но с другой стороны, что здесь такого? Всего лишь вопрос, верно?

Я медленно развернулась. Макаров стоял на том же месте, вальяжно облокотившись о парту.

– Скажи, а как ты оказался тут?

– Тут? – удивился он.

– Да, в моем универе и в моей группе. Это... так... – я постаралась подобрать слова, но они как назло не шли. Происходящее казалось слишком нереальным, словно сон какой-то.

Тим оттолкнулся от парты, накинув рюкзак на плечо, и неторопливой походкой направился ко мне. Когда поравнялся, то замедлил шаг и, наклонившись к самому моему уху, хрипловато прошептал:

– Помнишь детскую считалочку? Раз, два, три... – запел он. Его голос напоминал языки пламени, прикосновение которых могло оставлять болезненные отпечатки. Но мне понравилось, как бы безумно это не звучало. – Он найдет тебя.

– Что?

Тим отстранился, дернул ручку и, прежде чем выйти, добавил:

– Четыре, пять, ночью ты не будешь спать. Забавная, да?

– Я не... – договорить он мне не дал, вышел прочь, оставив после себя еще больше вопросов.

Соня однозначно влюбилась в Тимофея. Я видела ее поведение собственными глазами, и это вызывало во мне волну негодования. Хотя и Макаров вел себя довольно странно, словно в нем поселились две личности. За все эти дни он ни разу не заговорил со мной при одногруппниках, но если мы оказывались наедине, он мог и поздороваться, и выдать какую-нибудь ерунду.

В пятницу вечером, так уж совпало, мы вошли в лифт втроем: я, Соня и Тим. И вместе вышли на пятом этаже. Мне нужно было на кафедру занести доклад, а куда они направлялись, я понятия не имела. И нет бы заняться своими делами, я зачем-то остановилась посередине коридора и наблюдала за этой парочкой. Тайком, конечно. Делала вид, что копошусь в сумочке.

Тим и Соня остановились у двери кабинета студсовета. Они о чем-то разговаривали, а потом Соня начала неторопливо водить пальцем по груди Тима, опускаясь ниже и ниже. И в тот момент, когда она будто случайно задела его ремень, скользнув к ширинке и пристраивая ладонь на ней, я отвернулась.

Да как он... Он же с Мариной! Почему тогда?

Дверь с шумом захлопнулась, и я поняла – они займутся сексом. Прямо в кабинете студсовета. Рисковое мероприятия, учитывая, что туда в любой момент мог войти кто угодно. Но им однозначно было наплевать.

Я вмиг растерялась. Настроение пропало, а вместе с ним и желание идти на кафедру. Не знаю, что со мной происходило. Но где-то в глубине души мне стало обидно, словно ревность кусала, что Тимофей там, в этом кабинете, с Соней. Хотелось ворваться, помешать им, сказать, что это неправильно. Но я слишком трусливая, да и жизнь этого красавчика меня не касалась.

Пусть, что хочет творит! Мне фиолетово! Точка! Подчеркиваю!

А на следующий день объявили, что в субботу мы всей группой едем в лагерь, который находится в чаще леса. Там будут проходить лекции и командные игры, вроде как для сплочения коллектива. Я бы, может, и не поехала, но куратор объявила, что все за счет института. А так как дядя Вова планировал в субботу привести очередного друга, я была рада оказаться где угодно, кроме квартиры.

– Куда это ты собираешься? – удивилась бабка, заметив, как я утром субботы собирала вещи в рюкзак. Взять решила только самое необходимое: сменное белье, щетку и теплую кофту. Хотя апрель радовал хорошей погодой и многие уже ходили в майках с коротким рукавом.

– У нас сегодня поездка в лагерь с группой. – Я испугалась, вдруг она не отпустит. Нет, в целом бабушка мне ничего не запрещала, ее бы воля, она бы меня вообще спланировала куда-то, но мало ли.

Бабушка протерла руки о фартук и, ничего не сказав, закрыла дверь. Я облегченно выдохнула, быстренько довела все до ума, схватила рюкзак и уже через час сидела в автобусе рядом с Линой Филатовой. Мы как раз обсуждали предстоящую поездку, когда в салон вошел Тим.

В спортивном черном костюме Макаров выглядел еще привлекательнее и раскрепощеннее, чем обычно. Он лениво окинул взглядом автобус, по его лицу так и читалось: “Зачем я здесь нахожусь?” Мне стало интересно, почему он не поехал на машине. Да и реально, почему не отказался? Что-то мне подсказывает, он бы мог, в отличие от нас всех.

Наши взгляды с ним случайно пересеклись, и в моей груди что-то вспыхнуло, словно спичка зажглась. Возможно, мне показалось, но было в его глазах что-то такое жгучее, пылкое, похотливое... Я смущенно сплотнула и поспешила отвернуться к окну. Нечего на него смотреть. У него для этих перегибков есть Соня. А я... мне вон пейзажи куда интереснее. Когда еще выпадет шанс на горы полюбоваться.

Автобус уходил все дальше в сторону горной местности и наконец-то показался лагерь — уютный, уединенный комплекс, спрятанный среди густого хвойного леса на склоне. Вокруг возвышались величественные ели, и другие разные деревья, названия которых я не знала. Сам лагерь выглядел, словно из фильма: простые корпуса, большая открытая площадка с шатрами для собраний или лекций, и узкие тропинки, уходящие вглубь леса.

Погулять по окрестностям нам не дали, сперва определили, кто и где будет ночевать, а потом отправили на занятия, которые проходили на открытом воздухе. После обеда, уже вечером, когда солнце только начало окрашивать небо в малиновый цвет, ко мне подошла Лина.

– Не хочешь прогуляться? В лесу сейчас хорошо, красиво. Тем более занятий больше не будет.

– Почему бы и нет, – я радостно кивнула, и мы зашагали вглубь по тропинке, усыпанной одуванчиками.

Деревья росли, так плотно, что их ветви переплетались, образуя над головой густой полог, который почти не пропускал солнечный свет. Красиво, но немного пугающе.

– Ой, – Лина остановилась, хлопнув себя ладонью по лбу. – Я кое-что забыла в комнате. Ты иди, я сейчас сбегая и догоню тебя.

– Может, я...

– Не стоит, иди. Я скоро! Одна нога тут, другая там, – заверила она и, развернувшись, побежала прочь. А уже через пару минут ее силуэт окончательно скрылся из вида.

Сначала всё было спокойно и даже приятно: воздух пах хвоей, под ногами хрустели опавшие ветви. Но погода в горах меняется мгновенно. Небо стремительно темнело, тяжёлые свинцовые тучи нависли над верхушками елей. Подул холодный, пронизывающий ветер. Я поёжилась и плотнее запахнула кофту, но продолжала идти вперёд. Постепенно вокруг становилось всё мрачнее. Свет, который ещё недавно пробивался сквозь кроны, почти исчез. А потом где-то вдалеке глухо зарокотал гром.

Я остановилась.

Меня вдруг охватило странное тревожное чувство.

Я оглянулась, но не увидела ничего, кроме темных силуэтов деревьев и сгущающихся теней. Наверное, просто разыгралось воображение.

Надо было возвращаться, и чем быстрее, тем лучше. Я решила пройти другой дорогой, вроде бы эти высокие ели мы проезжали, и лагерь должен быть прямо за ними.

Небо снова разрезала ослепительно-яркая вспышка молнии. Почти сразу же прогремел оглушительный раскат грома, от которого задрожала земля под ногами. А через секунду на лес обрушился настоящий ливень. Крупные, тяжёлые капли мгновенно пробили ткань одежды и холодными струями потекли по коже.

Я попыталась ускорить шаг, почти побежала, но мокрая земля и скользкие листья превратили тропинку в опасный каток. Ветки хлестали по лицу и рукам, мокрые волосы прилипли ко лбу.

«Чёрт меня дёрнул пойти именно сюда!» — пронеслось в голове.

Высокие ели, которые должны были служить ориентиром, словно растворились в сплошной серой пелене дождя и наступивших сумерках. Я остановилась, тяжело дыша, и попыталась понять, куда идти. Сердце колотилось так сильно, что его гул отдавал в ушах. Внезапно в голове всплыл образ сталкера, который присылал мне плюшевых медведей. И от этого жуткого образа, паника ещё больше сдавила грудь. Я начала дышать часто, глотая губами воздух, и, пытаясь унять нарастающий страх.

Решительно свернув вправо, я сделала несколько шагов, но проклятые кеды предательски скользнули по влажной глинистой земле, и меня потянуло вниз. В последний момент, когда я уже приготовилась к падению и удару, меня поймали сильные мужские руки, резко потянув на себя.

– Поймал тебя.

Глава 10

– Тимофей, – прошептала я, не в силах поверить, что это он держал меня в своих объятиях. По его красивому лицу скользили капли дождя, и я почему-то смутилась, когда наши взгляды встретились.

Окружающие звуки вмиг пропали, будто нас закрыли невидимым щитом, и это немного пугало. Я боялась того, что зарождалось во мне – ощущений, от которых живот стягивало спазмом и хотелось чего-то безумного. Рядом с Тимом казалось, что я теряла контроль над собой, своими мыслями и поступками. Это что-то необъяснимое, новое.

– Тим... – вглядывалась я в темные глаза напротив. Слишком темные, темнее ночи. Его взгляд вдруг упал на мои губы, и очередная волна смущения заставила щеки вспыхнуть стыдливым румянцем. Ну что же такое? Это неправильно, ужасно неправильно.

– Идем, там есть хижина, – мрачным голосом произнес он.

И я подчинилась, позволила взять себя за руку и провести по скользкой тропинке, окутанной осевшим туманом. Макаров прав, вряд ли мы сможем отыскать сейчас дорогу до лагеря, нужно где-то переждать ливень.

Хижина оказалась небольшим срубом. Замка не было, дверь легко поддалась, и мы вошли в сухое, но довольно холодное помещение. В щели задувало, на старых стеклах были трещины.

– Тут должны быть дрова, – предположил Тим, заметив камин. И в самом деле, в углу комнаты обнаружился ящик с сухими дровами, спичками и средством для розжига. Будто... нас здесь ждали. Нет, это глупо. Скорее всего, это домик лесника и он время от времени оставался ночевать в лесу.

Тимофей отправил полено в камин, налил немного розжига, и вуаля – повеяло теплом. Хотя толку было немного, одежда у нас промокла и противно липла к коже. И только от этого зубы уже постукивали друг о дружку.

– Нужно раздеться, – Тим внезапно вырос напротив меня, вводя в ступор своим предложением.

– Что...

– Одежда промокла. Ты же не хочешь заболеть, Настя? Давай, – он говорил таким спокойным тоном, будто каждый день оказывался в подобных ситуациях и знал, как правильно поступить.

– Нет, я... – Правда, даже представить было сложно, что придется раздеваться перед Тимом, что уж говорить о реальности. Сердце заходило в груди, меня переполняли странные эмоции, очень странные, граничащие с симпатией и одновременно виной за ужасное поведение.

– Закрой глаза и просто сделай это, – командным басом отчеканил он.

– Прикалываешься? – пролепетала я.

– Ни капли. Иначе заболеешь. Из двух зол как говорится...

– Слушай, я... я не могу. Мне...

Договорить Макаров не дал. Он сделал шаг ко мне и вдруг накрыл мой рот своей ладонью. Не сжал, не наседа, просто как бы обозначил, чтобы я замолчала.

– Закрой глаза, – шепнул он. И я настолько от его поведения растерялась, что даже сопротивляться не смогла. В Макарове было что-то такое, имеющее надо мной власть. Или же он сам был соткан из этой дикой энергетики. Как настоящий дьявол. – Открою тебе секрет, моя девочка.

Тело прошибло микротоками от фразы “моя девочка”. Я схватилась за нее и не отпускала. Она будоражила и посылала подальше все то хорошее, что во мне было. Принципы. Правила. Черту, которую я не имела права пересекать.

И вот я, полностью обескураженная, подчинилась его команде. Закрывает глаза в ожидании, что произойдет дальше.

– Неловко – это когда вот так, – Тим вдруг коснулся языком моей щеки. Он осторожно слизнул каплю дождя с моей скулы, затем медленно провёл ниже, собирая следующую. В это же время его пальцы обхватили меня за шею, нажимая на затылок. В этот раз не грубо, а наоборот, как-то игриво что ли, словно мы находились на грани чувств, которые оба не могли сдерживать. У меня аж колени подкосились.

Я не говорила ни слова и не могла двинуться. Внизу живота возникла незнакомая приятная пульсация, мне сделалось жарко, хотя еще минуту назад я дрожала.

Тим слегка толкнул меня, заставив спиной упереться в прохладное дерево. Его нога оказалась между моих ног, а язык продолжал слизывать капли, которые стекали по лицу. И когда Макаров буквально насадил меня на свою ногу, я перестала дышать, потому что ощутила, как по телу прошло нечто похожее на ток. Щеки загорелись, с губ слетел стыдливый вздох. Господи, что со мной такое?

– Хорошая девочка, – в какой-то момент я подумала, что Тим проведет языком по мочке уха, но он остановился и резко отстранился от меня, оставив после себя табун мурашек на коже. Как вихрь. Ураган, от которого никогда не знаешь чего ожидать.

Я часто моргала, прижимая к груди руку и пытаюсь немного перевести дух.

– Что ты... – только и смогла произнести, широко раскрыв глаза от удивления. Макаров дотронулся до края своей толстовки и одним движением снял ее, а следом и футболку. В приглушенном освещении, исходящем от огня в камине, Тимофея было не очень отчетливо видно, но я все равно с любопытством разглядывала его.

Даже в полумраке прокачанная грудь и пресс казались идеальными. Но больше всего меня заинтересовали татуировки, разбросанные по телу. Среди черно-белых рисунков ярким пятном выделялась алая бабочка. Словно мечта о счастье, которая никогда не исполнится. От Тима буквально веяло опасностью, его аура будто кричала: держись от меня подальше!

Мамочки... Мне сделалось не по себе от того, насколько сильно я заинтересовалась этим парнем.

– Твоя очередь. — Он вытащил из кармана стальную зажигалку и принялся открывать и закрывать крышку. Щелк. Щелк. Звучало, как обратный отсчет. Щелк. Щелк. Будто что-то должно произойти.

Сглотнув, я отвернулась, приняв тот факт, что в одежде мне действительно будет холодно, затем медленно стянула с себя толстовку и осталась в одном спортивном топе.

Ладно, дело было не совсем в бешеной энергетике, исходящей от этого парня. Я просто как только вошла, сразу заметила одеяла и только поэтому согласилась раздеться. Не более. Ничего странного в том, что я потянулась и сняла лиф нет. Тем более он был настолько влажный, что хоть выжимай.

Пока снимала джинсы, почему-то задавалась вопросом: смотрит ли Тим на меня сейчас? О чем думает? Что я бесстыдная? Ведь он встречается с моей подругой, а мы тут... стоп! У нас экстренная ситуация, мы можем замерзнуть. Нам нужно согреться и просушить одежду. Хватит себя накручивать, приказала я себе.

– И их тоже, – прозвучал за спиной голос Тима. Я кинула на него удивленный взгляд, прикрывая руками обнаженную грудь.

– Что прости?

– Трусики, – сказал он и снова щелкнул зажигалкой. Щелк. Щелк. Как удары моего сердца.

Я вдруг осознала, что все это время Макаров смотрел на меня. Неотрывно. Пристально. Как голодный дикий зверь.

Я отвела глаза и только тогда заметила на полу его мокрые джинсы и чёрные боксеры, небрежно брошенные рядом. Сглотнув, я резко отвернулась, чувствуя, как кровь приливает к лицу, а пульс ускоряется до предела. Воздух в маленькой хижине вдруг стал густым, тяжёлым, пропитанным напряжением и чем-то ещё, гораздо более опасным.

Мне отчаянно захотелось оглянуться. Увидеть то, что не предназначалось для моих глаз. А потом пристыдить себя и убежать прочь из этой хижины. Но вместо этого я медленно запустила пальцы под резинку трусиков, стянула их по бёдрам и позволила упасть на пол.

За тонкими стенами снова прогремел раскат грома. Я вздрогнула и, не в силах больше сдерживаться, всё-таки повернулась к нему.

Грудь моя напряглась, чувствительно реагируя на прохладный воздух и на пристальный взгляд парня напротив. Она болезненно ныла, словно жаждала прикосновения.

Мамочки... О чём я вообще думаю? Что со мной происходит?

Тим смотрел на меня так, будто хотел запечатлить каждую линию моего тела. Он медленно скользил по мне взглядом — от шеи вниз, задерживаясь там, где кожа особенно чувствительно реагировала на его внимание. От этого взгляда внизу живота, словно свинцом разливалось приятное покалывание и легкая вибрация.

— Ты чертовски красивая, — приглушённо произнёс он.

Его слова прозвучали так тихо, что я почти не поверила, в их реальность. Может, мне вообще показалось? Может, это только моё разгорячённое воображение? Я невольно прикусила нижнюю губу до лёгкой боли, пытаясь вернуться в реальность и не утонуть в этом опасном море.

Тим ничего больше не говорил. Просто смотрел. И в этой тишине, нарушаемой только треском огня и шумом ливня, я чувствовала себя абсолютно обнажённой — не только телом, но и чем-то гораздо более глубоким.

Какой стыд... Впервые стоять вот так перед парнем, чувствовать его жадный взгляд на своей коже, представлять, как его руки могли бы коснуться меня, скользнуть по груди, по талии, ниже... Эти мысли были такими яркими и запретными, что тело пробила сладкая дрожь.

Покраснев до кончиков ушей, я скрестила руки на груди, надеясь, что темнота стала моим укрытием. От всего. Но главное — от самой себя.

На мои плечи вдруг легло одеяло. Колочее, прохладное, но такое необходимое.

— Вот видишь, — Тим прошептал мне это на ухо, — ничего страшного. А теперь... предлагаю вздремнуть.

Макаров поднял свои вещи и развесил их возле камина на спинках стульев. А затем взялся за мои. И когда он дотронулся до трусиков, теребя их между пальцами, я снова закусила губу, ощутив все то же покалывание внизу. Не понимаю себя. Впервые в жизни я не могла понять того, чего хочу и как этому противиться.

— Смотри-ка, — Макаров показал на тумбу с распахнутыми дверцами. — Тут есть дешевый коньяк. Надо выпить.

— Зачем?

— Чтобы согреться, зачем же еще? Ты же не хочешь заболеть? — загадочная улыбка мелькнула на его лице, но я не заострила на этом внимания. Просто покорно взяла бутылку, после того как Тим сделал пару глотков, и тоже выпила.

Вкус алкоголя показался странным, слишком приторным, словно детский сироп. Хотя бы не отравиться. Я передала бутылку Тиму, он поставил ее на место, а потом лег на кровать, повернувшись лицом к стене.

Я на носочках подошла к кровати, присела, сжав руками края верблюжьего одеяла. Мне было неловко пристраиваться рядом, но я понимала, что дождь закончится нескоро, да и одежде нужно время высохнуть. Поэтому мне требовалось успокоиться и просто лечь.

Минут на двадцать... Тридцать. Ничего не произойдет, верно?..

Уснуть правда удалось не сразу. Мурашки, охватившие каждый участок кожи, и фраза, звеневшая в моих ушах: «ты красивая», не давали покоя. Щеки до сих пор горели в тех местах, где касался язык Тима. Мне было сложно поверить, что он делал это играючи, не по-настоящему.

Интересно, какой Тим на самом деле? Что прячут его темные глаза? Что творится в его душе?

А потом я просто отключилась. Проснувшись от резкого скрипа, распахнула глаза. Было уже довольно светло, лучи солнца били прямо в окно.

– Настя! – голос старосты заставил меня подорваться с постели, прикрываясь одеялом. Я готова была провалиться под землю, до того стало неловко.

– И тебе привет, – Тим помахал рукой Оле и бодро улыбнулся, скинув... одно одеяло? Но мы же спали под разными? Или нет? Стоп. Я не помню.

Макаров непринужденно слез с кровати. Увидев, что на нем нет трусов, Оля завизжала и смущенно отвернулась. Я же спрятала лицо в ладонях. Пульс молотками застучал в висках. Мамочки... Что о нас подумают? Обо мне? Нехорошо это.

– Развели здесь, – буркнул недовольно лесник, который, видимо, и привел сюда старосту к нам. – Одевайтесь и на выход.

Не говоря ни слова, мы быстро оделись и следом за лесником отправились в лагерь. Оля поглядывала на нас с Тимом, я смущенно прятала глаза, а Макаров... спокойно шёл себе, иногда камешки пинал. Как будто ничего и не произошло. Наверное, так и надо. Ведь действительно, мы просто спали рядом. Волноваться об этом... глупо?!

Проводив нас до ворот, лесник попросил Тима ему помочь, и тот неожиданно согласился. Остаток пути мы с Олей прошли вдвоем. Мне хотелось объясниться, попросить, чтобы она сохранила увиденное в тайне, но Анурова всю дорогу с кем-то переписывалась и убрала телефон только остановившись напротив нашей общей комнаты.

– Оль, – прошептала я, стушевавшись от ее колючего взгляда. – Слушай, насчет...

Только договорить я не успела. Дверь распахнулась неожиданно, как вчерашний дождь, что застал меня в лесу, на пороге стояли Соня Молотова и ее две подруги. Оля толкнула меня в спину, мол, шевелись, и я, споткнувшись, позорно распласталась на полу перед девочками.

– Блин, – пискнула, поднимаясь. Ну что за непутевая? На ровном месте падаю.

– Поговорим? – холодного процедила Соня, заставив меня поднять на нее глаза.

– О чем? – отряхнув джинсы, я встала, непонимающе всматриваясь в лицо своей одногруппницы.

– О тебе и о моем парне.

Глава 11

До меня не сразу дошло, что это Оля столкнула нас с Молотовой лбами. Правда, я не слышала, что Тим расстался с Мариной и начал встречаться с Соней. Какая-то Санта-Барбара. Однако я в нее влипла, и надо было как-то выпутываться, потому что девочки, судя по гневным взглядам, были настроены серьезно.

Правда времени размышлять, и строить догадки не было. Тут вон Соня замахнулась на меня, и я чудом успела поймать ее руку, не позволив себя ударить. К счастью, реакция у меня было хорошая. Молотова, при всей своей идеальной репутации и ангельском личике, сейчас походила на настоящую стерву. Я словно впервые видела этого человека.

– Офигела с моим парнем трахаться? – Она выдернула руку, зло прищурившись.

– У нас ничего не было, – поспешила оправдаться я, при этом сохраняя максимально хладнокровие. Последнее давалось мне с трудом, я не из тех бойких девчонок, которые готовы в любую минуту вцепиться в чужие волосы, отстаивая свою территорию. Сказать по правде, это были мои первые настоящие «разборки», а если совсем глубже копнуть, я и в скандалы-то никогда не влезала. Моя подростковая и студенческая жизнь проходила тихо и незаметно: я старалась не ввязываться в конфликты, не лезть в чужие отношения и просто учиться. А теперь меня прижали к стенке, и отступать было некуда.

Соня еще и смотрела так, словно я была ее близким другом и предала, нагло вонзила нож в спину. Её обычно милое, почти кукольное лицо сейчас исказилось от злости — брови сдвинуты, губы сжаты в тонкую линию, глаза прищурены. Она тяжело дышала, словно сдерживала себя из последних сил.

– Да ну? Просто так свою грудь показывала под одеялом?

– Ничего я ему не показывала! – я неожиданно разозлилась. Почему она налетела на меня? Если уж у них с Тимофеем такая любовь, в чем я сомневаюсь, могла бы пойти к нему и с ним выяснять отношения. – Дай пройти.

– За дуру меня удержишь?

– Слушай, если ты не веришь, иди к нему и спроси. Чего ко мне прицепилась? Ночью шел дождь, мы оказались в лесу мокрые. И вообще, он...

Я хотела сказать, что Тим встречается с Маринкой, но Соня так громко фыркнула, будто хотела заткнуть меня этим. Она кинула взгляд на своих подруг, словно давая им мысленную команду, и я напряглась. Ну нет, не станут же взрослые девчонки устраивать тут бои без правил? Это же бред, не фильм все-таки. И из-за чего? Из-за парня? Уверена, Макаров и знать не знает, что Соня вообразила между ними безумную любовь.

– Раздевайся! – приказным тоном проговорила Молотова.

– Сонь, ты что несешь? Я не собираюсь выяснять с тобой...

Она резко схватила меня за толстовку и попыталась снять ее.

– Раздевайся, сука, я сказала! – завизжала Соня.

Между нами завязалась возня. Я выворачивалась, как могла, а потом в порыве злости схватила ее за волосы. Машинально скорее, чем осознанно, просто не знала, как иначе вырваться. Они ведь реально решили меня раздеть.

– Убери от меня руки! – закричала я.

– Дрянь! Я покажу тебе, как по чужим парням скакать, – вопила не своим голосом Молотова.

В какой-то момент пальцы сами собой сжались в кулак, и я ударила её — прямо по красивому лицу. Сама от себя ошалела. Никогда в жизни я никого не била. Но в ту секунду внутри меня проснулось что-то древнее, первобытное — инстинкт самосохранения, который не спра-

шивает о правилах и приличиях. Когда тебя загнали в угол, когда никто не придёт на помощь, остаётся только бороться. Даже если это выглядит жалко и грязно.

Подруги Сони тут же бросились ко мне. Они схватили меня за руки, заломили их за спину. Молотова с торжествующей злостью стащила с меня сначала толстовку, потом джинсы, оставив стоять в одном белье. Я чувствовала себя голой не только телом, но и душой, словно с меня сорвали не ткань, а последний слой достоинства.

Они вытолкали меня в коридор и потащили к лестнице, как какую-то вещь. Я брыкалась, пыталась вырваться, зацепиться ногами за пол, но сил уже почти не оставалось.

Вдруг они сами остановились. С резким толчком бросили меня на холодный пол, как ненужную тряпку, развернулись и ушли, громко стуча каблуками.

Я осталась лежать. По щекам потекли горячие слёзы. Тело мелко тряслось — не столько от холода, сколько от унижения и беспомощности. Колени саднило от удара об пол, руки горели от глубоких царапин, оставленных чужими ногтями. В этот момент я особенно остро осознала, насколько хрупка человеческая гордость. Как легко её можно сорвать, смять и выбросить, словно ненужную бумажку.

С трудом, опираясь на дрожащие руки, я поднялась.

И в ту же секунду дверь напротив меня открылась.

Это была душевая для парней. Из неё вывалилась целая компания — пятеро моих одноклассников. Они замерли на пороге, уставившись на меня.

Время будто остановилось. Волна жгучего стыда окатила меня с головы до ног, что захотелось раствориться в воздухе, исчезнуть, перестать существовать. Я стояла почти голая перед ними, и в этот момент мне казалось, что меня видно насквозь — все мои страхи, слабости, всю мою жалкую попытку сохранить хотя бы каплю самоуважения.

Но я не закричала. Не убежала. Просто стояла, сжимая кулаки так сильно, что ногти впивались в ладони, и из последних сил держала внутри крик, который рвался наружу.

– Вау, Настюха, да ты к нам на огонек, – присвистнул Игнат.

– Какой вид, – поддержал его Толик. – Я, правда, третий размерчик люблю, но и такое можно, для экзотики.

Парни заулюлюкали, а кто-то даже шагнул ко мне и протянул свои ручищи с противной пошлой улыбкой. Я отшатнулась. Бороться с девчонками еще как-то можно, но с парнями, которые сильнее тебя в несколько раз... Зажмурившись и закусив губу до боли, я подумала – может, это кошмар? Очнусь сейчас, и все закончится? Вот только, сколько бы я ни открывала и закрывала глаза, картинка не менялась. Парни окружили меня, как черти, которые засасывали в свою агонию ужаса. Ни влево, ни вправо протиснуться не получалось. В полном отчаянии я смотрела на них, на лица тех, с кем училась, и не понимала, в какой момент все пошло наперекосяк.

Почему ребята, которых я считала нормальными, вдруг стали озабоченными идиотами? Почему в их глазах мелькал нездоровый блеск, а один так вообще ремень уже расстегивал? Они забавлялись, а я дрожала, мечась туда-сюда, и искренне надеялась, что эта дурацкая шутка скоро закончится.

И вдруг... совершенно случайно сквозь окруживших меня одноклассников выцепила взглядом Тима. Он кошачьей походкой спускался по лестнице с задумчивым видом. Затем остановился в проходе и уставился на эту безумную картинку абсолютно пустым, безразличным взглядом. Я не была уверена, что он видел меня за спинами парней, но он почему-то и не уходил.

Слезы застилали глаза, я из последних сил сдерживалась, чтобы не разреветься. Думала закричать и попросить Тимофея о помощи, ведь он не чужой, мне так казалось, искренне хотелось в это верить. Но помощь пришла, откуда не ждали. Андрей Васин, мой одноклассник, накинул на меня свою олимпийку и вытолкнул из порочного круга смеха и гадостей.

– Заткнись уже, придурки! – рявкнул он, приобняв меня за плечи. – Совсем, что ли?

Никто его особо не послушал, пошлые шутки продолжались, только теперь они летели и в сторону Андрея. Но, по крайней мере, мы уходили прочь, и на мне была хоть какая-то одежда.

Сердце разрывалось от обиды и несправедливости, ноги подкашивались. Я споткнулась, а Васин подхватил меня, сказав что-то на ухо. Слов не разобрала. В ушах стоял шум и все еще звучали голоса одноклассников, яд, который медленно отравлял легкие.

Когда они успели так измениться? Когда успели превратиться из хороших людей и диких зверей?

Напротив Тима мы замедлились. Я повернула голову и обомлела. Глаза его будто потемнели, только взгляд был адресован не мне, но кому – не поняла. Я стыдливо отвернулась и поспешила подальше отсюда.

– Не переживай ты так, Настя, – ободряюще сказал Андрей, закрывая за мной дверь медкабинета. Мы решили переждать в лазарете, пока народ успокоится. Да и банально хотелось тишины, чтобы прийти в чувства.

Усевшись на кушетку, я расплакалась. Слезы полились градом по щекам, стыдливый всхлип слетел с губ. Обида ударила наотмашь, словно я была преступницей какой-то, которой полагалось всеобщее наказание. За что они так со мной? Мы же дружили, нет, друзьями прямо не были, но общались хорошо. Никогда эти ребята даже шутки грубой в мою сторону не кинули, а тут... Словно всех подменили или подговорили. Может, конечно, это Соня постаралась, я этого факта не отмечаю. У нее так-то и авторитет есть, и попросить она могла, парни ее любят, многие на любые вещи согласны, лишь бы она разок улыбнулась.

– Настя, ну ты чего? – Андрей присел рядом и приобнял меня. По спине стал гладить, как маленькую девочку. – Да забей ты, они просто дебилы.

Я лишь всхлипнула в ответ. Как забить, когда ты внезапно оказалась куском мяса, который кинули своре голодных собак?

– Все наладится, эй, – он взял мое лицо в свои ладони и посмотрел с теплом.

Мне было приятно его участие, но насладиться им как следует не получилось. Я вздрогнула, услышав шорох. Отстранилась от Андрея, посмотрела ему за спину. И то ли мне показалось, то ли там в самом деле мелькнула тень.

– Настя, – Андрей зашуршал перед моим носом батончиком. – Держи. Для настроения.

– Ой, спасибо, – я смутилась, даже сама не поняла, чего именно. Взяла шоколадку, накрыла ее в пальцах, озадаченно размышляя, как быть дальше.

– Куратор сказала, что автобус сломался, и нас заберут домой только завтра утром, – огорошил новостью Андрей.

Провести ночь в комнате с девочками, которые раздели меня и выставили на всеобщее обозрение парням, – то еще удовольствие. Да и чем черт не шутит, вдруг, как только погаснет свет, они вытворят что-то еще? Может, поехать на автобусе или на попутке? Что угодно. Только не с ними, не тут.

– Я так понимаю, у тебя проблемы с Соней? – догадался Васин.

– Откуда ты... хотя неважно, – понуро склонив голову, я отложила шоколадку и прислонилась к стене. В висках пульсировало, а несколько царапин на руке после драки ныли. Ужасный день. Господи, ну за что мне все это?!

– Я помогу тебе, пойду скажу куратору, что ты плохо себя чувствуешь. Думаю, она разрешит остаться на ночь в лазарете. Заодно твои вещи принесу.

– Правда? – едва не расплакалась я от радости. Когда хоть один человек на твоей стороне, уже не так страшно. Сама я не представляла, как вернусь в комнату, если только с битой

подмышкой. Чтобы ко мне никто не посмел притронуться. Ладно, это я утрировала, конечно, биты-то у меня нет. Да и боец из меня так себе.

– Не переживай, – Андрей поднялся и, прежде чем уйти, наклонился и коснулся своими прохладными губами моей щеки. Коротко. Едва ощутимо. И тут же отстранился. Скулы у него слегка порозовели, словно он смутился. А потом, видимо, чтобы разрядить повисшую между нами неловкую паузу, подмигнул и умчался прочь.

И вместо того, чтобы думать про его поступок, про этот робкий чмок в щеку, я унеслась мыслями к Тимофею. Бредово? Согласна. Нерационально? Еще как. Да только ничего не могла с собой поделать. Этот парень даже на расстоянии магнитом к себе притягивал.

Интересно, он в курсе, что произошло? Реально ли они с Соней вместе? И... почему он стоял как истукан? Почему не вмешался? Ведь говорил такие сладкие речи, что рядом со мной, чтобы я не переживала, он здесь. На деле же, его присутствие только омрачило мою и без того никчемную жизнь.

Наверное, мне с ним нужно поговорить. Пусть разбирается со своими подружками, пусть скажет им, что между нами ничего нет, и меня в свои игры больше не втягивает. Мы так-то друг друга и не знаем толком. Хотя в глубине души мне казалось, что я ему симпатична. Но я так понимаю, это был ложный знак, симптом, который не подтвердился.

Андрей вернулся минут через двадцать: принес мою одежду и сообщил, что мне разрешили переночевать в лазарете, даже ключ дали от дверей. А вечером он, как самый настоящий друг, принес мне ужин и сидел со мной почти до девяти, рассказывая, что происходило в лагере. Про наш конфликт между девочками народ помалкивал, как и про мой позор у мужской душевой. Все было относительно тихо, будто этот ужас мне привиделся.

– А Тим? – сжав руки в кулаки, уточнила я.

– Я его не видел ни во время ужина, ни до. Не знаю, где Макаров, – пожал Андрей плечами.

Ушел он почти в девять, и было видно, что уходил он с неохотой. Но я устала и хотела отдохнуть, тем более завтра предстоял тяжелый день: встретиться с одноклассниками, Соней, как-то выдержать все это и не сломаться. Думала, Маринке позвонить, совета спросить, однако этот порыв быстро улетучился. Что я ей скажу? Твой парень спит с другой? Или твой парень странно себя вел со мной? Нет, надо в первую очередь с Тимом разобраться, потом уже подружке жаловаться.

Переодевшись в черный топ с тонкими бретелями и короткие шорты, которые я носила как пижаму, я закрыла дверь на замок и несколько раз дернула ручку, чтобы наверняка. Выключила свет, накрылась одеялом и задремала.

Проснулась из-за странного состояния, будто не могу шевельнуться. Дернула рукой, и вдруг ощутила боль в запястье. Да такую резкую, словно в кожу впилось что-то, похожее на веревку. Распахнув глаза, я панически вскрикнула, осознав, что мои руки привязаны к изголовью кровати. А рядом сидел человек. Во всем черном, с капюшоном на голове, тень от которого скрывала его лицо. Я замерла, ощутив, как сердце забилося в конвульсиях.

Мамочки...

– Проснулась? – спросил хриловатый мужской голос. Из-за волнения я не понимала, слышала ли когда-то его или нет.

– Кто ты... – я задыхалась.

– Твою мать, – усмехнулся он. – Какая ты забывчивая, крошка. Я же обещал, что мы скоро познакомимся. И этот день настал.

Он схватил ножницы с тумбы, поднес их к моей груди. Чт... что он собрался делать? Нет, нет, только не... Я, наверное, сплю, и это просто плод моего воображения. А что, если не сплю?

Господи, этот парень точно безумец!

– Не смей! Не трогай! – завопила я, пытаюсь хоть как-то оказать сопротивление. Ерзала, брыкалась, но бесполезно.

Щелк...

Он отрезал от моего топа кусок. Так, что один бугорок груди теперь был обнажен.

Щелк...

И вот уже второй оказался обнаженным. Я в ужасе забилась, увидев, как наглые пальцы потянулись дальше....

Глава 12

Странно. Безумно странно. То, что происходило со мной дальше, не поддавалось никакому объяснению. Словно реальность слегка сдвинулась, и я оказалась в каком-то чужом, тёмном сне.

– Знаешь, что я больше всего ненавижу? – с ледяным спокойствием проговорил сталкер. Ведь это точно был он, я не сомневалась.

Холодный металл ножниц медленно скользнул по моей груди. Я резко вдохнула и зажмурилась, чувствуя, как по коже разливается тревожная, щекочущая дрожь. В этот момент мне хотелось исчезнуть, раствориться в темноте комнаты, лишь бы только не чувствовать этого странного, пугающего тепла, которое начало разгораться внутри.

– Отпусти меня... – едва слышно прошептала я, не решаясь открыть глаза.

Воздух вокруг изменился он стал каким-то густым, осязаемым, пропитался чужим ароматом табака, свежести, что бывает после дождя и чего-то истинно мужского. Этот аромат обволакивал, проникал в лёгкие против моей воли, и злил меня, ведь он мне понравился.

Когда я, наконец, заставила себя распахнуть глаза, сталкер пристально смотрел на меня. Чёрный капюшон, чёрная маска, оставляющая открытыми только тёмные, пронизывающие глаза. Его лицо находилось в нескольких сантиметрах от моего, и от этой близости внутри всё сжималось — страх, любопытство и что-то ещё, чему я не могла подобрать названия.

Ножницы снова коснулись кожи, нежно проведя по чувствительному месту. По телу прокатилась острая, электрическая волна, от которой перехватило дыхание. Я прикусила губу, пытаюсь удержать рвущийся наружу звук.

– Боишься? – в голосе сталкера слышалась улыбка. И я поняла, что если покажу свой страх, то проиграю. С хищниками по-другому нельзя, они чувствуют панику жертвы, и это для них сигнал к действию. Но я не дам себя загнать в угол, больше не дам. Никому.

Вздернув подбородок, я ровно ответила:

– Нет, – и расслабила руки, больше не дергаясь. Я прожигала своего мучителя взглядом, представляла, что он бежит, сверкая пятками от меня, хотя понимала, что воображение вряд ли окажется реальностью. – Что тебе нужно? Как ты меня нашел? Зачем я тебе?

– Нет, – он повторил за мной, затем покачал пальцем, и резко кинул ножницы в сторону. Не выдержав, я все же тихо пискнула, дернувшись. Испугалась. А как иначе-то? Тут никакое самовнушение не поможет. Он чертов псих, который как-то пробрался в лазарет. А я одна. И даже если я закричу, вряд ли кто-то быстро прибежит на помощь.

Я снова задержалась, начала бить ногами, а потом с дуру закричала:

– Помогите! Эй! Помо...

Сталкеру видимо это не понравилось, так что он резко мои вопли оборвал. Горячая ладонь накрыла мой рот, жёстко сжав щёку. Он тяжело опустился сверху, прижимая меня своим телом. Его бёдра крепко зафиксировали мои, лишая всякой возможности двигаться. В эту секунду я окончательно поняла: я в его полной власти. И от этого осознания внутри меня что-то опасно и в то же время сладко сжалось.

– Черт... – тихо усмехнулся он, не убирая руки. – Ну что ты такая шумная, крошка?

Он слегка ослабил хватку, давая мне возможность говорить.

– Прекрати... – выдохнула я дрожащим голосом. – Слезь с меня. Не прикасайся.

– Ты когда-нибудь испытывала такое? – Его пальцы медленно двинулись по моей груди, нашли то самое место, что отзывалось на прикосновения, и начали играть с ней — то легко и дразняще, то чуть сильнее, почти требовательно.

Тело реагировало, словно наполнялось энергией, в нем вспышками отражались одна за другой искры, от которых жар разливался пульсирующим теплом к низу живота. Стыд обжёг

щёки, но остановить эту волну я уже не могла. А хотела ли, непонятно. Мне будто позволили ступить на порочную тропу, где каждый шаг вызывал странную приятную эйфорию, и жажду, которую я отказывалась признавать. Поэтому я тут же попыталась сжать бёдра, и это вновь стало моей ошибкой: ведь чувства сделались острее, ярче, необузданнее.

И сталкер все понял, что меня словно закручивало по спирали, и его прикосновения отбирали контроль. Он нагло перешёл к другой стороне, и новая вспышка жара заставила меня тихо, беспомощно выдохнуть. Никогда раньше я не чувствовала ничего подобного — эту странную смесь страха, унижения и острого, почти болезненного желания. Мне было стыдно. До дрожи стыдно. И всё равно тело предавало меня с каждым мужским прикосновением.

Сталкер медленно задрал мой топ выше. Его горячие пальцы коснулись нежной кожи, и на этот раз я не смогла сдержать тихий, прерывистый стон. Он вырвался сам — хриплый, беспомощный, полный всего того, что бурлило внутри: страха, злости и этого чёртового, запретного удовольствия, которое разгоралось во мне всё ярче.

Он убрал ладонь с моего рта. Я жадно глотала воздух, кусая губы до крови, пытаюсь удержать внутри рвущийся хаос. Мысли путались, ломались, превращались в кашу. Почему я так реагирую? Почему мне... нравится? Это было неправильно. И всё равно я вспыхнула, как спичка, и сгорала почти до самого основания, дрожа и тая под его руками.

А его ладонь уже медленно спускалась ниже. Скользнула по животу, оставляя за собой дорожку огня, и остановилась у края шорт. Когда пальцы осторожно, но уверенно проникли под ткань и оказались совсем близко к самому сокровенному, я невольно выгнулась дугой и застонала — громко, отчаянно, громче, чем должна была.

Стыд затопил меня с головой, обжёг щёки, шею, грудь. Но тело уже не слушалось. Оно предало меня полностью.

Что со мной творится... Я же не такая... я не должна...

А он чувствовал всё. Каждую мою дрожь, каждый рваный вдох, каждое предательское движение бёдер. И это явно его заводило ещё сильнее.

— Да ну? — усмешкой проговорил он. — Ты уже такая горячая, и все из-за меня, да?

Я хотела огрызнуться, хотела сказать что-то злое и колкое, но вместо этого из горла вырвался только новый, дрожащий стон. Маска слетела окончательно. Я проигрывала. Проигрывала с треском тому, кто пугал меня до мурашек и одновременно заставлял сходить с ума от желания.

Его пальцы легко прошлись по внутренней стороне бедра, едва касаясь, дразня, и от этого движения меня словно ударило током. Спина выгнулась ещё сильнее, ноги сами собой попытались разойтись шире. Я чувствовала себя грешницей, которую демон медленно, со вкусом пожирал заживо.

Ругала себя последними словами. Пыталась сопротивляться. А вместо этого только сильнее разгоралась под его прикосновениями. Хотела того, чего не имела права хотеть. Хотела его.

— Прекрати...

И сталкер вдруг перестал меня трогать и неожиданно слез. Пока я неподвижно лежала, пытаюсь перевести дух, успокоиться, он вытащил из кармана телефон.

— Снимем хоум-видео?

Я в ужасе распахнула глаза, а в следующую секунду яркая вспышка ослепила меня, удрав прямо в лицо.

Глава 13

Я иступленно извивалась на кровати, шурясь от яркого света. И вдруг веревка, державшая мои запястья, ослабла, и я смогла вырвать одну руку. Сталкер этого не заметил, водя телефоном около моей груди.

– Ублюдок! – вскрикнула я и ударила кулаком по его мобильнику, отчего тот отлетел в сторону.

– Даже так? – со смешком вырвалось у него.

Я подскочила с кровати, окончательно освободившись, и пулей помчалась к выходу. Но у двери почему-то резко остановилась и оглянулась. Взгляд зацепился за врачебный халат на вешалке. Накинув его, я посмотрела на сталкера.

Он не подорвался за мной. Не планировал остановить. Просто сидел на полу, облокотившись на кушетку, и крутил в пальцах телефон. Когда он успел его подобрать? И взгляд его, я уверена, был направлен на меня. Убийственный, как точный выстрел киллера. Один щелчок, и ты покойник. А может, я просто находилась на грани истерики и одновременно с этим сходила с ума от возбуждения. Низ живота предательски пульсировал, и прерывистое дыхание царапало горло.

– Беги, мышка. – Что-то щелкнуло. Не телефон. Сталкер держал какую-то вещь в руке.

Мышцы напряглись, но я стояла и смотрела. На него. Внезапно сложилось впечатление, что мы уже виделись. Что я знала его. Может, и не сейчас. А когда-то давно. Очень давно. Но просто забыла.

– Беги, – холодно процедил он, резко поднявшись на ноги.

И я побежала. Бежала, не оглядываясь, задыхалась, внутри, казалось, горел каждый чертов орган. Кусала губы до боли, поворачивая на автомате из коридора в коридор. А когда остановилась напротив дверей комнаты преподавателей, поймала себя на мысли, что в груди бился не страх.

Нет...

Что-то другое. Эти чувства не походили ни на одно ощущение, которое я бы смогла описать. Однако это все равно было ненормально, и мне однозначно требовалась помощь. И я со всей силы заколотила в дверь. Удар за ударом.

– Господи! – воскликнула Алла Дмитриевна, когда я суетливо рассказала о произошедшем. Умолчала только про связанные руки, порезанный топ и телефон. – Какой-то маньяк, наверное! Нужно срочно сообщить на пост охраны. Входи скорее.

Меня напоили горячим чаем и позволили остаться на ночь в преподавательской комнате. В лазарет возвращаться не пришлось. Не представляю, как бы вернулась туда, осталась одна, вглядываясь в темноту и ожидая его – парня в маске.

Пока я сидела в комнате, приходя в себя, охрана быстро проверила лазарет. Обшарили каждый угол. Никого. Ни следа. Территорию вокруг тоже обследовали — с фонарями, тщательно. Пусто. Как будто его и не было никогда.

Камер, к сожалению, в той части здания не оказалось. Совсем.

И мне вдруг подумалось, что я схожу с ума... Безумие какое-то! Ведь человек не мог просто взять и испариться. Что в конце концов происходило...

Подняли меня в шесть утра, как оказалось, автобус уже починили, и чтобы мы успели к первой паре, нужно было встать раньше. Алла Дмитриевна выдала мне свою запасную майку, и, заботливо уточнила, не нужно ли меня сопроводить. Я отказалась. Затем она протянула мне коробку с успокоительным, и я поняла, что преподавательница мне не поверила, списав

все на банальное переутомление. Конечно, они же никого не нашли, проще сделать выводы, что у меня разыгралась фантазия, чем передать дело следствию и принять тот факт, что на территории лагеря был какой-то психопат.

В итоге я просто махнула рукой. Спорить с ней у меня не было ни сил, ни желания. Поэтому я кивнула, и, переодевшись, отправилась в столовую.

Остановилась у раздачи, вслушиваясь в голоса окружающих. Переживала жутко. Я то и дело оглядывалась, словно ожидала, что на меня смотрят чьи-то пристальные, недобрые глаза. Мне все казалось, что сталкер где-то здесь, что он наблюдает за мной и ждет момента.

По телу прошла волна мурашек, похожих на озноб, я напряглась.

– Быстрее, – крикнула женщина на раздаче.

– Омлет и чай, – попросила я, схватив поднос.

Взяв скромный завтрак, я растерянно замерла посреди зала. Свободных столиков было всего два. Один — рядом с девочками, которые совсем недавно устроили мне настоящую «тёмную». Туда я не могла ступить даже под страхом смерти. Второй — в дальнем углу, где сидели парни, те самые, что не упустили случая поиздеваться надо мной.

Выбор был чудовищно жалким. Хоть на улицу уходи.

И вдруг эта мысль показалась спасением. А почему бы и нет? Тем более дворе были столики. Не самая плохая идея. И я решительно пошла ее исполнять.

Дворик оказался совсем небольшим, но удивительно уютным. Внутри него росли небольшие кустики с какими-то милыми розовыми цветами. Сладкий, чуть терпкий аромат витал в воздухе. Я невольно вдохнула глубже, и на душе на мгновение стало легче. Напряжение чуть отступило, плечи расслабились...

Но только я поставила поднос на столик и села, как до меня донёсся странный, приглушённый шум — возня, глухие удары, сдавленное дыхание.

Я резко обернулась.

Сердце ухнуло куда-то в желудок.

А там... Тим прижимал Андрея к кирпичной стене, занеся кулак. Секунда и Васин согнулся пополам, от удара, который явно пришелся ему в живот. Господи... Да что происходит? Ложка выскользнула из моих пальцев и с тихим звоном упала на асфальт.

Ощущение было такое, что Тим не собирался останавливаться. Наоборот он грубо схватил Андрея за капюшон толстовки, рывком приподнял его и наклонился совсем близко к его лицу. Что-то прошептал и лицо Васина мгновенно исказилось от неподдельного ужаса.

Больше молча смотреть на это я не могла. Вскочила на ноги, и помчалась к ним. Пробежав пару метров, я замедлилась, заметив, как из столовой вышла Соня с подругами.

– Тим! Тим! – завопила Молотова. В этот момент из здания вывалились и другие наши одноклассники и кинулись разнимать парней. Хотя там и разнимать-то нечего было, Андрей не отвечал на агрессию Макарова. Просто позволял себя бить, словно боялся ответить или банально не мог.

Соня рядом с парнями оказалась одной из первых. Она схватила Тим за руку, а потом и вовсе прижалась к нему, словно у них настоящая любовь. В глазах ее мелькали слезы, судя по всему, Соня что-то говорила Тиму, просила остановиться. И я вдруг отчетливо поняла: мне туда идти смысла больше нет. Если еще вчера я планировала поговорить с Макаровым с глазу на глаз, то теперь эта идея потеряла всякий смысл. Он с Соней. А с моей Маринкой, значит, они расстались. Не зря же он не поехал ее провожать.

Сколько девушек у этого парня? Он вообще умеет любить? Для него отношения хоть что-то значат? Или он умеет только играть с женскими сердцами? Мне стало неприятно и... грустно.

Я развернулась и пошла прочь. Мне хотелось скорее убраться отсюда, провалиться сквозь землю, никого не видеть и забыть глупое чувство, что зародилось где-то в груди. Однако...

– Настя! – это был его голос. Глубокий, уверенный, несущий в себе опасность, будто пламя: дотронешься до него, даже самую малость – останется ожог. Я не хотела обжигаться. Но моя рука уже находилась над этим пламенем, чувствуя невероятный жар.

Так что я остановилась.

– Настя! Авдеева!

Три. Два. Один. Мы встретились взглядами. И сердце мое, словно кошка, которая всю жизнь мечтала о свободе, выпрыгнув в окно, помчалось навстречу неизведанному. К глазам, в которых мелькал явный интерес. Загадочности, которую хотелось разгадать. И опасности. Той самой, что стоило бы обходить стороной или прятаться подальше. Я интуитивно ловила эту опасности, которая по пятам ходила за Тимом, и почему-то не тушевалась.

Затем я зачем-то взглянула на одноклассников. В их глазах читалось удивление вперемешку с раздражением. Они были сворой уличных собак, которые увидели сбежавшую домашнюю кошку. Разорвать. Прокусить горло. Выбросить со своей территории.

И самым красноречивым взгляд был у Сони.

А когда Тимофей неожиданно двинулся в мою сторону, я осознала, что, судя по всему, окончательно ступила на тропу войны. Одна против всех. Из-за него. Из-за парня, который никогда моим-то и не был. Но каждый в этой стае мечтал, чтобы я стала для него невидимкой.

Только вот... о чем мечтал он, их совершенно не волновало.

Глава 14

С каждым его шагом мой мир рушился. Крупица за крупицей. Это как бежать через лес и попасть в болото. Тебя будет затягивать в недры земли, а шансы на спасение будут уменьшаться с каждым рваным вдохом.

И нет, я не накрутила себя. Я читала эти эмоции по глазам людей, с которыми училась. И если до этого в моей жизни был парень, влюбленный в меня со школы, девочки, с которыми я худо-бедно общалась и банально могла пообедать, то теперь никого. Одна.

А еще сталкер. Психопат. Больной придурок.

Хотелось разреваться. Упасть на землю и бить кулаками, задаваясь вопросом, в какой момент настолько сильно изменилось направление моего компаса? Когда я свернула не туда? Но в то же время понимала, что не могу показать слабость. Я должна бороться. Против всех. Против сталкера. Нужно выяснить, кто этот человек. Что ему нужно от меня?

Не жизнь, а детективное кино какое-то...

Макаров остановился напротив, и я перестала дышать.

– Ну привет, – уголки его губ приподнялись.

– Твоя подружка не в восторге, – я кивком указала на Соню. Вид у Молотовой был такой, словно я столкнула ее в помой.

– Она не моя, – беззаботно бросил Тим. – Общественная.

– Тогда тебе стоит сказать это ей, а не мне. – Я отшатнулась и вернулась к столику, где стоял мой скудный завтрак. Тим сел напротив и посмотрел так внимательно, что все мои спасательные рецепты дали сбой.

– Разве друзья так себя ведут? – спросил он, подавшись ближе. Протянул руку, хотел коснуться моей пряди, но я отвернулась. Сразу вспомнила Соню, ее мерзкий взгляд и самодовольную ухмылку.

Она, кстати, и сейчас поглядывала на меня, скрестив руки на груди. Всем своим видом вынося мне смертный приговор.

– А разве подружки друзей устраивают другим людям “темную”? – прищурившись, я попыталась считать Тима, понять, что скрывается за его маской.

Сказать по правде, вопросов у меня было много. И если до этой поездки я думала отложить их, не придавать особого значения, то теперь поняла, что обязана докопаться до истины. Узнать, какую игру он затеял. И кто в этой игре его по-настоящему интересует.

Но лицо этого красивого парня было таким нечитаемым, что проще разгадать безумно сложный ребус. Его сердце – бездна. Настолько глубокая, что обычному человеку туда ни за что не проникнуть.

– Ты права, – тихо и как-то зловеще прошептал Тим. – Может, мне связать ее?

Он вытащил зажигалку и щелкнул крышкой. Раз. Два. Три. На его чувственных губах сверкнула улыбка. Опасная. И в то же время притягательная. Только дьяволы обладают такой силой: когда ты боишься, но продолжаешь тянуться к пропасти.

– Что? – хрипло произнесла, зацепившись за слово “связать”. О том, что меня вчера ночью связал сталкер, не знал никто. Преподавателям я рассказала лишь про проникновение в лазарет.

– Ну, как в фильмах бывает? Плохих девочек принято наказывать.

– Ты сказал, хочешь ее... связать?

– Или просто “пум”, – он изобразил пальцами выстрел из пистолета. Я напряглась, а Тим вдруг рассмеялся. – Расслабься, Настя. Это всего лишь шутка. Хотя... – он перевел взгляд на Соню. – Моя месть за тебя уже свершилась.

– О чем ты? – не поняла я и снова взглянула на Молотову. У нее тряслись губы, а затем одна из подружек приобняла ее и закрыла от нас. Кажется, Соня плакала или делала вид, что плачет, с моего места было сложно определить.

– Пуля в человеческое сердце – хуже любого унижения, – прозвучало философски. – Ладно, встретимся в автобусе. И запомни, моя девочка, – Тимофей подхватил прядь моих волос, и в этот раз я позволила ему накрутить локон на палец. Меня будто приворожили, запретили отказывать. А он этим нагло пользовался. – Я же говорил тебе, что ты не одна. Я всегда где-то рядом, – последняя фраза прозвучала шепотом на ухо. И я уловила в ней что-то знакомое, отчего внизу живота сладко заныло.

Я словно вернулась в ночь, в момент, когда сталкер сидел рядом с ножницами. И, несмотря на то, что умом я понимала – Тим не мог быть моим преследователем, в этой его фразе, коротком ласкающем шепоте, я уловила что-то зловещее. Непохожее на него.

– Увидимся, – он поднялся, и, махнув мне рукой, направился в столовую. Я же осталась сидеть с кучей вопросов в голове. И осознанием, что обязана узнать имя сталкера. Его мотивы. Иначе, возможно, это пойдет куда-то не туда.

В автобус я заскочила одна из первых и уселась поближе к выходу. Прижала к себе рюкзак, словно спасательный круг, и уставилась в окно. Небо затянули тяжелые тучи, будто вот-вот ливанет.

Народ мало-мальски заполнял автобус, но рядом со мной никто не садился, более того, даже напротив и сзади меня места пустовали. Меня как чумную обходили стороной. И только когда прошла одна из девчонок, я уловила часть разговора:

– Слышала, Насте объявили бойкот?

– Ага, Соня всех настроила. Да уж... ой, она смотрит, пошли скорее.

И они, склонив головы, поспешили к задним рядам. Дальше я не прислушивалась. Хотя мне было интересно, осмелится ли кто-то пойти против Сони. Ну не собачки же они, чтобы поддаваться дрессировке? Разве у людей не должно быть своего мнения? Какая им разница, что мы не поделили с Молотовой?

Однако когда места рядом со мной так и остались пустыми, я осознала – Соня имела куда большее влияние на одноклассников, чем выглядело со стороны.

Последним в автобус зашел Тим. И я зачем-то оглянулась. Молотова подняла руку, махнув на сиденье рядом с собой. Народ замер в ожидании реакции Тимофея. И он двинулся. Уверенным шагом. Словно король среди обычных смертных. Ряд за рядом. Интересно, дышала ли Соня в этот момент?

Я отвернулась к окну, поджав губы. Пусть садится с кем хочет. Мне плевать. Однако в груди так пекло, словно я съела упаковку острого перца. Хотелось выпить воды, а лучше глотнуть морозного воздуха. Чтобы остудил не только мое волнение, но и полыхающую кожу.

Когда рядом со мной послышался скрип, я вздрогнула. Тим кинул рюкзак под ноги, вытащил из кармана телефон и чехол от беспроводных наушников.

– Что? – удивленно посмотрел он на меня, заметив, как я пялюсь.

– Что ты делаешь?

– Планирую слушать музыку. Ты никогда не видела парней, которые слушают музыку? – усмехнулся он.

Мой затылок, кажется, горел от молний, что мысленно посылала Соня. Ее публично отодвинули. Подальше. К краю пропасти. И все из-за кого? Какой-то Насти. Которая не должна была даже претендовать на парня вроде Тимофея.

Не дождавшись от меня ответа, Макаров вставил наушники в уши, скрестил руки на груди и закрыл глаза. Автобус загудел. Я откинулась на сиденье, однако успокоиться не получалось.

Взгляд зацепился за костяшки пальцев Тимофея. И я потянулась к сумке, чтобы достать лейкопластырь. Всегда носила парочку с собой, потому что обувь у меня была дешевая, а следовательно не самая удобная и комфортная. Мы покупали ее с бабушкой в масс-маркете по скидкам или в сезон огромных распродаж. Она быстро рвалась, изнашивалась и оставляла последствия в виде волдырей. На что-то более качественное не приходилось рассчитывать, не в моем положении. Именно поэтому я мечтала хорошо закончить универ и устроиться на высокооплачиваемую работу. Чтобы как минимум покупать себе нормальную обувь, а как максимум не зависеть от настроения и желаний других людей.

Я взяла руку Макарова, почувствовав, как он вздрогнул и пронзительно посмотрел на меня. Но я была занята тем, что наклеивала пластырь на его рану, так что не знала, что таилось в его глазах.

– Что ты... – хриплым голосом прошептал он. Таким, словно не ожидал подобного. – Делаешь?

– Ты никогда не видел, как девушки наклеивают пластырь? – улыбнулась я, хотя было совсем не весело.

Тим дернул руку, настолько резко и грубо, что я растерялась. Подняла голову и заметила, что ему неприятны мои прикосновения. Или ему неприятна... забота? В расшифровке эмоций этого парня я не была окончательно уверена. Он для меня – оставался загадкой.

– Если тебе больно, извини.

– Мне не больно. А если и больно, тебя это не касается. – Этот ледяной тон, взгляд, в котором умерло все живое, напряженные желваки на скулах. Так говорят только с врагами.

– Тогда наклейте сам, – психанув, я пихнула ему в руку еще один пластырь. – Иначе может остаться шрам или грязь попадет.

Тим не ответил, и я в полной растерянности отвернулась к окну.

Глава 15

Несколько следующих дней мы с Тимом не разговаривали. Он общался со всеми, кроме меня, даже с Соней, хотя тут скорее ее заслуга. Сам Тим не проявлял особого интереса к Молотовой, она же, несмотря на его поведение, продолжала липнуть. А я... я была тенью. Никто в универе на меня не смотрел, не здоровался, казалось, на моей спине появилась табличка – “Зараженная опасным вирусом.”

Больше всего на свете мне хотелось закрыться в туалете и разреветься. Из-за несправедливости, обиды и вопросов, которые оставались без ответов. Я остро осознала, что тоскую по Маринке. С ней хотя бы могла поделиться, поплакаться, теперь же мне и за советом сходить было не к кому.

Однако в среду вечером случилось то, что повергло меня в шок.

Пару по политологии нам соединили с другим курсом и отправили всех в большой актовый зал. Преподаватель вел себя странно, нервничал, и в итоге вместо лекции сказал переписывать конспект с презентации. И ушел, попросив вести себя тихо.

Поначалу народ действительно писал. Я сидела в наушниках, которые спасали от ощущения всеобщей ненависти. Красивые голоса, что пели о любви и вечном, не давали утонуть в безнадеге. Вернуться туда, откуда я выкарабкивалась целую жизнь. Поэтому я не сразу заметила, что на первых рядах началась возня. Сидела, склонившись над своей тетрадкой, и списывала с телефона, на котором было фото презентации. Подняла голову, только когда в паузу между песнями ворвались голоса. Взволнованные, наполненные страхом.

Я ошарашенно уставилась в проход между партами. Какой-то парень избивал другого. Он бил его ногами по животу, ребрам, заходясь нецензурной бранью. И никто его не останавливал. Парни молча смотрели, переговаривались, однако ничего не предпринимали. Они видимо боялись.

Когда парень повернулся, я узнала в нем Давида Кортанова. Маринка как-то рассказывала, что он отбитый на всю голову. И отец у него такой же. Вся семейка вроде неадекватная. Давид был боксером. Высокий. Плечистый. Монстр во плоти.

Аккуратно вытащив наушник из уха, я прислушалась к разговору.

– Тварь! Я же говорил тебе! – шипел он на парня, который, казалось, и не дышал уже. Господи... Он же убьёт его. А все просто стоят и смотрят? Больше сотни человек — и никто не решается остановить одного озверевшего урода?

В голове внезапно вспыхнули старые, давно похороненные кадры. Кровь. Много крови. Отчаянные крики. Мои собственные мольбы, слёзы, сердце, бьющееся в агонии животного ужаса.

Я резко тряхнула головой, отгоняя видения, и подорвалась с места. Наушники с глухим стуком упали на пол. Наверное, у меня действительно не всё в порядке с головой... Но эти воспоминания жгли изнутри, заставляли чувствовать вину — тяжёлую, липкую вину за то, в чём я никогда не была виновата.

Не раздумывая больше, я быстрыми шагами пересекла класс и, когда Давид снова занёс ногу для удара, отчаянно схватила его за локоть.

– Пожалуйста... прекрати.

Он резко обернулся. В его глазах полыхал настоящий ад — неконтролируемый гнев. От этого взгляда у меня мгновенно задрожали колени, а в горле пересохло.

– Пожалуйста, прекрати.

– Что?

– Он же почти не дышит, – я отпустила руку Давида, отшатнувшись.

И прежде чем он ответил, за спиной раздался знакомый голос. Мы оглянулись. Это был Макаров, стоял себе спокойно, прижимая телефон к уху, и говорил в трубку, не отрывая взгляда от нас.

– «Скорая»? У нас тут парень, ему нужна помощь. Записывайте адрес.

Давиду, конечно, такой расклад не понравился. Он-то тут кровопролитие затеял, и явно не ожидал, что кто-то его намерения перебьет. Поэтому вполне ожидаемо, кинулся к Тиму, который стоял на пару ступенек выше. Разъяренный, словно монстр, он занес кулак. Паника, похожая на бушующее море, захватила меня. И пусть мы с Макаровым не были особо близки, я не хотела, чтобы он пострадал. Душа разрывалась от тревоги за этого парня.

Но Тимофей поймал кулак в воздухе, не дав себя ударить.

– Хочешь быть следующим? – спросил Давид, вырвав руку.

Я подбежала к ним, хотя судя по абсолютно спокойному выражению лица Тима, ему не нужна была ничья помощь. Непроницаемый. Ледяной. Словно души в его теле никогда и не было.

– А ты? – Макаров склонил голову набок. – Уже убивал кого-то? Знаешь, что это за чувство?

– Что?

– После этого ничего хуже в твоей жизни не будет, – с омерзением кинул Тим, кривя губами. – Оно поселится в тебе, как паразит, и будет жрать тебя медленно, пока ты не сдохнешь.

Минуты превратились в вечность. Давид не ответил, но и не дрался. Казалось его, настолько поразили слова Тимофея, нырнули в самое нутро, достигнув основания костей, и оставили там свой огненный отпечаток. Наконец, он хмыкнул и обошел Тима, задев его явно намеренно плечом. А через минуту громко хлопнула дверь. И только после этого ребята словно пришли в себя и кинулись к парню, помогли ему подняться, вернее усадили на плечи к кому-то и унесли, судя по всему, в медпункт.

Остальные же вернулись на свои места, будто ничего не произошло. Не было драки. Страха. Странного разговора. Ничего. Для всех, кроме меня. Старые раны вновь дали о себе знать. Давненько этого не было.

– Больше не заставляй меня это делать, – когда Тим оказался рядом, я не поняла. Он стоял близко и прошептал эту фразу мне прямо на ухо, вызывая табун мурашек.

Я промолчала, тогда он добавил.

– На каждого ангела по одному монстру. Смекаешь?

Глава 16 – Сталкер

Отработка по физре – худшее, чем можно заниматься в такую погоду. Туман. Горная местность. Куча деревьев и физрук, который топчется у входа на эту территорию, уткнувшись в свой телефон. Если тебя похитят, уверен, он и не заметит.

Натянув маску на лицо, я скольжу черной тенью между деревьев. Провожу рукой по влажной коре, ощущая, как под пальцами вибрирует от напряжения. Этой ночью ты мне снилась. Смотрела на меня своими ангельскими глазами, умоляя остановиться. Смешно...

Это вызывает во мне противный приступ тошноты. Отголоски из прошлого. Когда-то я уже слышал эту мольбу. Не твою, нет. Но лучше бы так, чем то, что произошло девять лет назад.

Взгляд фокусируется на тебе. Смотрю на твои стройные ноги, обтянутые черными леггинсами, и невольно представляю, как развожу их в стороны, разрываю ткань влажных трусиков. Эта мысль возбуждает, заставляя усмехнуться.

Ты влюбишься в меня, детка. Отдашь свое гребаное сердце. Я стану центром твоей вселенной, миром, без которого ты не сможешь существовать. А затем... твой мир окрасится в черный цвет. Тот самый черный, как дно глубокого океана, куда никогда не проникает свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.